

ПУТЕБРОДИТЕЛЬ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ
АРБАТА

ИЛИ ТРИ ДОМА МАРГАРИТЫ

Виктор Николаевич Сутормин
По обе стороны Арбата,
или Три дома Маргариты
Серия «ПутеБродитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614311

По обе стороны Арбата, или Три дома Маргариты. Путешественник. / Сутормин В.Н.:

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05863-8

Аннотация

В глубине арбатских переулков прошлое и настоящее, вымысел и реальность перетекают друг в друга легко и незаметно. По этим тротуарам ходили персонажи литературных произведений и люди, ставшие их прототипами, и ещё множество ярких личностей, без которых просто невозможно представить себе ту прежнюю, ушедшую Москву.

Она, казалось бы, сохранилась лишь в книгах или на старых фотографиях. Но всё же – нет, она существует, и мы можем вместе посетить её. А чтобы не бродить совсем уж бесцельно, давайте попытаемся отыскать один дом... Помните?

«Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоём занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место! Всякий может в этом убедиться, если пожелает направиться в этот сад. Пусть обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу – особняк ещё цел до сих пор».

Содержание

Тучерез	6
1. Пушкинская площадь	21
2. Дом настоящего человека	31
3. Дом Труда и Правды	33
Издатель	36
4. Малый Палашёвский, большой Палашёвский	42
5. Трёхпрудный переулок	44
6. Кооператив «Творчество»	46
Белая цыганка	47
7. Скоропечатня Левенсона	52
8. Закоулочек	55
9. Мамоновский переулок	57
10. Феодальный замок	63
Честная бедность	68
11. Дом Шехтеля	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Виктор Сутормин

По обе стороны Арбата, или Три дома Маргариты. Путешественник

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой:

Департаменту информации и печати МИД Российской Федерации и лично Лукашевичу Александру Казимировичу, Департаменту культурного наследия города Москвы и лично Кибовскому Александру Владимировичу, Научно-проектному институту «Спецпроектреставрация» и лично Калиниченко Юрию Петровичу, Центру историко-градостроительных исследований (ЦИГИ) и лично Пастернаку Борису Евгеньевичу, Музею «Булгаковский дом» и лично Складовой Наталье Петровне, Литературному музею А.М. Горького и лично Демкиной Светлане Михайловне, Московскому клубу филокартистов, Лазаревой-Станицевой Кире Сергеевне, Сайгиной Людмиле Владимировне, Золотарёву Михаилу Валентиновичу, Кривоносову Юрию Михайловичу, Шиловскому Сергею Сергеевичу,

а также

Аллавердян Анне, Антонову Сергею, Баландину Александру, Баланцеву Борису, Боброву Юрию, Бородулину Владимиру, Вайништейну Михаилу, Дедушкину Алексею, Дементьеву Алексею, Караваеву Сергею, Кезлингу Владимиру, Ковалёву Владимиру, Козлову Павлу, Масленникову Евгению, Мясникову Юрию, Нехорошеву Владимиру, Нечаевой Лидии, Олейнику Николаю, Орлову Владимиру, Разумову Вадиму, Рудченко Виталию, Рябову Алексею, Серге-

*еву Владимиру, Соболевой Анастасии, Фединой Маргарите, Фёдоровой-Землянской Дарине,
Черненко Елене, Чуванову Всеволоду*

Тучерез

Есть особые ворота и особые дома...
Арсений Тарковский

Он появился на свет в центре столицы, в двух шагах от Пушкинской площади, благодаря человеку со странной для русского уха фамилией Нирензее. Необычная фамилия была под стать личности, от которой не осталось ни единой достоверной фотографии, чья судьба известна только по слухам, и даже имя в различных источниках пишется по-разному: то Эрнст-Рихард Нирнзее, то Эрнест Ришард Нирензее, причём буква «е» в фамилии появляется явно лишь по той причине, что для русского человека сочетание звуков «рнз» трудно произносимо. Поскольку правды всё равно не узнать и чтобы не мучиться, будем называть его просто Эрнест Карлович Нирензее.

Неизвестно, где этот человек получил квалификацию архитектора (чертежи своих первых построек в Москве он подписывал как «техник архитектуры»), но строил он много и успешно: почти сорок домов за четырнадцать лет. Главным образом это были доходные дома – на них в начале XX века существовал такой спрос, что Нирензее ежегодно выполнял два-три заказа, а в хороший год мог работать над пятью или шестью, и это не считая тех зданий, которые Эрнест Карлович строил уже для себя.

Страстная площадь. Фото из фонда ЦИГИ, до 1933 г.

В смысле потребительских качеств дома его настолько хороши, что больше половины из них дожили до наших дней и квартиры в них не дешёвы (правда, ещё и потому, что стоят они на Тверской-Ямской, у Патриарших и в других престижных местах). И всё же, хотя и много в Москве его построек, но когда говорят «дом Нирензее», подразумевают именно этот.

В чём же заключалась его необычность тогда, в 1913 году?

И что ещё произошло с ним такого, отчего десятиэтажный жилой дом сделался единственным и неповторимым?..

Первый московский небоскрёб (впрочем, во времена постройки этого дома английское слово *skyscraper* переводили как «тучерез») поражал воображение современников. Построенный всего за год, дом взметнулся на девять этажей, причём на его плоскую крышу хитроумный архитектор поставил ещё один этаж, десятый, не очень заметный снизу, зато со смотровой площадкой, откуда можно было обозревать практически всю Москву.

Электрические лифты, собственная телефонная подстанция, паровое отопление – оценить это по достоинству могли только люди образованные или хотя бы побывавшие внутри здания; но вот когда на город надвигались грозовые тучи, голубоватые огоньки, мерцавшие на стальных ограждениях смотровой площадки, были видны всем. Кто из курса гимназии помнил про огни святого Эльма, те не беспокоились, зато прочую публику чрезвычайно нервировали «чёртовы фонари», мерцавшие аккурат наискосок от Страстного монастыря.

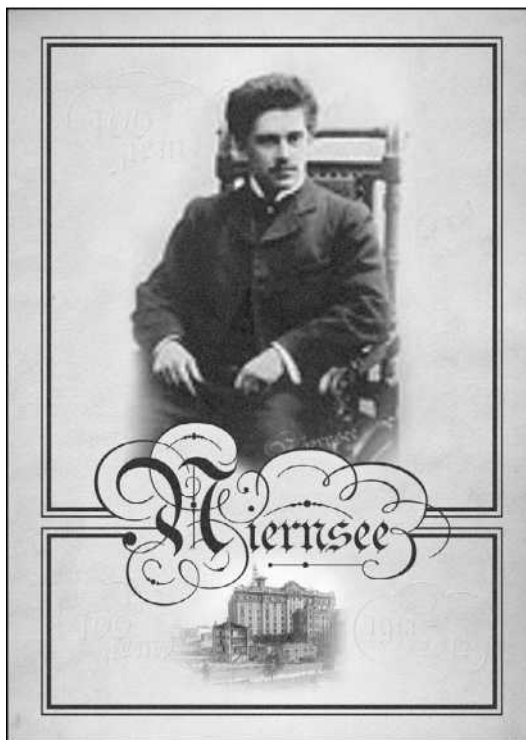
Поползли разговоры о том, будто бы иеромонахов попросили изгнать нечисть, да только не стали чернецы этим заниматься, отказались. Или же попробовали, но не вышло у них. Так или иначе, домовладельцу шумиха пошла на пользу: ведь те господа, на которых он рассчитывал в качестве квартирантов, если чего и боялись, то уж точно не врага рода человеческого. А расчёт у Эрнеста Карловича имелся, и очень точный.

Дело в том, что Нирензее был родом из Польши, а там, говорят, если на сцене висит ружьё, то стрелять в третьем акте оно не будет, но зато улицу Маршалковскую в Варшаве непременно кому-нибудь продаст.

А если серьёзно, то в проекте здания в Гнездиновском переулке архитектор соединил два уже известных принципа, направленные на решение одной задачи: получение максимальной прибыли с каждого квадратного метра. Первый открыли американцы – высотное здание позволяет при небольшом размере земельного участка получить большие площади.

Вторая идея, «дом дешёвых квартир», тоже была реализована до Нирензее и основывалась на существовании социального слоя, готового арендовать жильё без кухни, столовой и комнат для прислуги при условии соответствующего снижения квартплаты. Взять, к примеру, студентов и прочих молодых холостяков: для них отдельное жильё площадью 30–40 метров без кухни, но с удобствами – это практически рай земной, особенно при наличии ресторана или хотя бы столовой на верхнем этаже.

Вот именно такой рай и построил для них Эрнест Карлович, даже не догадываясь, что нечаянно создал реальное воплощение идеального жилья из социалистических утопий. Однако это «попадание в яблочко» обнаружится ещё не скоро, а на первых порах дом Нирензее заселила в основном художественная богема, всегда любившая окрестности Тверского бульвара и по достоинству оценившая преимущества нового здания.

Эрнест-Рихард Нирензее (?)

В числе первых жильцов оказались, например, недавно приехавший из Петербурга молодой адвокат Александр Таиров (уже созревающий до решения бросить юриспруденцию и посвятить себя театру), футурист Давид Бурлюк (к нему в гости частенько будет заходить Маяковский) и художник Роберт Фальк, вокруг которого вскоре образуется художественное объединение «Бубновый валет».

Подвал, по проекту предназначавшийся для того, чтобы жильцы могли устраивать там праздники и вечеринки, вскоре занял театр-кабаре «Летучая мышь», в представлениях и капустниках которого блистали актёры и актрисы МХТ, и постепенно дом Нирензее сделался одним из центров культурной жизни Москвы. На пятом этаже в одной из квартир разместилась редакция журнала «Синефоно», посвящённого новостям кинематографии и грамзаписи. По соседству открылись конторы кинопрокатчиков и продюсеров, начали селиться постановщики, операторы и артисты, – в общем, здесь постоянно крутилось множество людей, желавших служить Великому немому. В результате их встреч, случайных и не очень, могло возникнуть что угодно: идеи, скандалы, творческие союзы...

Созданное в 1915 году «Товарищество В. Венгеров и В. Гардин» объединило финансы и прокатные возможности первого с актёрским талантом и режиссёрской харизмой второго. Владимир Гардин, начинавший свою карьеру на провинциальной сцене, к моменту встречи с компаньоном успел организовать свой театр, увлечься синематографом и снять несколько лент. Возможность экранизировать русскую классику вдохновляла его ничуть не меньше, чем Венгерова увлекала перспектива заполнить кинорынок собственной продукцией. Их совместное предприятие разместилось в доме Нирензее, где Гардин сначала поселился, а потом организовал на крыше съёмочную площадку, вызывавшую у конкурентов мучительные приступы зависти. Надо сказать, что эта прекрасная идея возникла случайно – действие 10-серийного фильма «Дочь улицы» (одного из первых, снятых товариществом) происходило «в каменных джунглях», в том числе и на крышах.

Кинематограф всегда представлял собой скопление безумцев, имитирующих вменяемость лишь по мере необходимости, так что скоро дом зажил очень весело. Расположение съёмочного павильона на крыше жилого здания уже в силу самого факта вносит в ситуацию некий элемент непредсказуемости. А если учесть, что кино пока делает первые шаги и учится на ошибках, тогда вообще. Эйзенштейн ещё не сформулировал мысль о том, что «таракан, снятый крупным планом, страшнее, чем стадо бешеных слонов, бегущих по джунглям, снятых общим планом», а великий сказочник Александр Роу, заметивший, что в кино «следует доверять только тому, что держится на сопле и веревочке», пока вообще под стол пешком ходит. О возможности комбинированных съёмок многие режиссёры-первопроходцы представления не имеют – у них всё на полном серьёзе.

И вот уже с восторгом жильцы рассказывают всей Москве, как акробат по имени Амо Бек спускался с крыши по водосточной трубе, а крепление не выдержало и труба начала отрываться от стены... и он просто каким-то чудом зацепился, будто ящерица. Потом перебрался по карнизу к другой трубе и по ней спустился на землю. А оператор на другой день напился в лоскуты, потому что весь отснятый материал ушёл в брак.

Надо сказать, что кино начала XX века – это было по силе воздействия нечто феноменальное. Публика могла без всякого 3D и Dolby Digital в панике ломануться на выход с картины «Прибытие поезда», а видовую ленту «Плавание по Нилу» смотреть так завороженно, как Кэмерону с его «Аватаром» даже не снилось. Говорят, что после просмотра фильма «Стрекоза и Муравей» зрители до хрипоты спорили, не понимая, как это сделано – то ли для съёмок кто-то сумел настоящих насекомых выдрессировать, то ли безупречно выполненные муляжи оживили.

Может быть, благодаря фантазёрам-киношникам, а может, тому виной сама атмосфера необычного дома, но легенды возникали здесь в изобилии, и некоторые дошли до наших дней. Рассказывали, что в ещё недостроенном доме случился пожар, причину которого так и не выяснили. Хотя таинственного здесь немного. Скорее всего, какой-нибудь разгильдяй штукатур неудачно выбросил окурок, как это обычно бывает; а застройщик и домовладелец от греха подальше постарался спрятать концы в воду, дабы не усложнять отношений с пожарными, которые и без того на высотное здание смотрели косо.

Вид с крыши дома Нирензее. Фото 1926–1927 гг.

Ещё ходили разговоры, будто бы в семействе самого Нирензее начались несчастья, едва оно с прежней квартиры переехало в новый дом: сначала супруга Эрнеста Карловича подвернула ногу не то на лестнице, не то и вовсе на ровном месте, потом допившийся до белой

горячки сын Карл бросился с крыши и разбился насмерть. Неизвестно, правда ли это или так трансформировались рассказы о трюке циркача Виталия Лазаренко, который взобрался на парапет и сначала сделал стойку на руках, непринуждённо болтая при этом с киношниками и репортёрами, а когда внизу собралась толпа, начал ей «делать ручкой», стоя на одной левой. Репортёры о случае написали и забыли, а вот в мире кино эта выходка помнилась долго и даже воскресла в фильме «Корона Российской империи»: «Мадам, месье! Русский самоубийца! Всего за пять франков он пройдёт на руках по всему парапет у!»

Так или иначе, крыша дома Нирензее быстро сделалась популярной среди вознамерившихся покончить с жизнью – то ли оттого, что попасть сюда было гораздо проще, чем пробраться на какую-нибудь колокольню, то ли оттого, что на миру и смерть красна, а здесь всегда было многолюдно с тех пор, как на крыше вместо съёмочной площадки начала работу «Греческая кофейня».

Одного посетителя кофейни поймали буквально за фалды пиджака, когда он уже почти перелез через ограждение. Тот пришёл в себя и заявил, что нашло на него некое помутнение рассудка, «услышал голос»...

После этого и некоторым из жильцов дома начали слышаться голоса, причём источником зла сочли беднягу Нирензее – если уж «немец обезьяну выдумал», то спрятать в стене говорящее устройство он вполне может. И как ни старался Эрнест Карлович доказать, что распугивать квартирантов и сводить их с ума не в его интересах, никто его не слушал, тем более что кайзер Вильгельм объявил войну России и сразу началась вакханалия: стихийно собирались толпы людей и громили магазины и прочие заведения с немецкими фамилиями на вывесках.

Нирензее понял, что оставаться в России нет резона, и начал паковать чемоданы. Свой дом в Большом Гнезниковском он продал, и весьма удачно – за 2 миллиона рублей, как если бы он стоял на Маршалковской. Покупателем стал Митька Рубинштейн, петербургский банкир с тёмным прошлым. Через несколько месяцев его репутация засияет новыми гранями – Рубинштейн станет личным банкиром Распутина и начнёт пробиваться на самый верх.

Российскому кинопроизводству война, как ни странно, пошла на пользу: перекрытые границы резко уменьшили количество импортных фильмов, отчего повысился спрос на отечественные. К тому же появился новый жанр – фронтовая кинохроника. Снимать её было хлопотно, протаскивать через военную цензуру и того сложнее, но зато и продавалась она как блины на Масленицу... Венгеров занимался этим уже без Гардина – тот отправился на войну и вскоре стал артиллерийским офицером.

Николай II в должности главнокомандующего появлялся и в Ставке, и в кинохронике. Но ни его отрешённое лицо, ни приколотый к мундиру Георгиевский крестик зрителей не впечатляли. В темноте кинозалов они этот кадр комментировали так: «Царь – с „Егорием“, а царица – с Григорием...»

Февральскую революцию дом Нирензее принял, как и вся страна, с воодушевлением, а вот Октябрьскую не одобрил. По крайней мере, засевшие на крыше юнкера своими двумя пулемётами наглухо перекрыли и Страстную площадь, и Тверскую улицу. Выбивал их оттуда отряд эсеров под командованием Юрия Саблина.

Страстная площадь. Фото Николая Петрова, 1930–1932 гг.

Девятнадцатилетним этот человек ушёл добровольцем на войну, с фронта был направлен в школу прапорщиков, вступил в партию эсеров; после Февральской революции он уже член ЦИКа, а после октябрьских событий – военный комиссар Московского района. (Бунин об этом назначении написал в дневнике так: «Юрка Саблин – командующий войсками! Двадцатилетний мальчишка, специалист по кэжуоку, конфектно-хорошенький...»)

Люди одного круга, они были даже знакомы, но пути себе выбрали разные. Будущий нобелевский лауреат эмигрировал, а сын книгоиздателя и внук академика нырнул в революцию, как в водоворот. Не пройдёт и полгода, как Саблин станет одним из руководителей выступления левых эсеров против Брестского мира, после разгрома мятежа будет осуждён на один год и сразу же помилован ввиду былых революционных заслуг; во время Гражданской войны проявит себя как храбрый командир полка, потом дивизии. А ещё через год вместе с другими делегатами X съезда партии большевиков будет штурмовать мятежный Кронштадт и стрелять по левым эсерам.

Разойдутся пути многих, кто находил в доме Нирензее стол и кров. Бурлюк уедет в Америку, Маяковский станет рупором революции. Венгеров эмигрирует, и единственное, что он сумеет вывезти, – это негативы фильмов, а Гардин, повоевав за власть Советов, вскоре станет первым заведующим киношколы, из которой со временем получится ВГИК. Таиров возглавит один из самых авангардных театров новой страны, а бывшему каскадёру Амо Беку придётся на время Гражданской войны освоить ремесло сапожника.

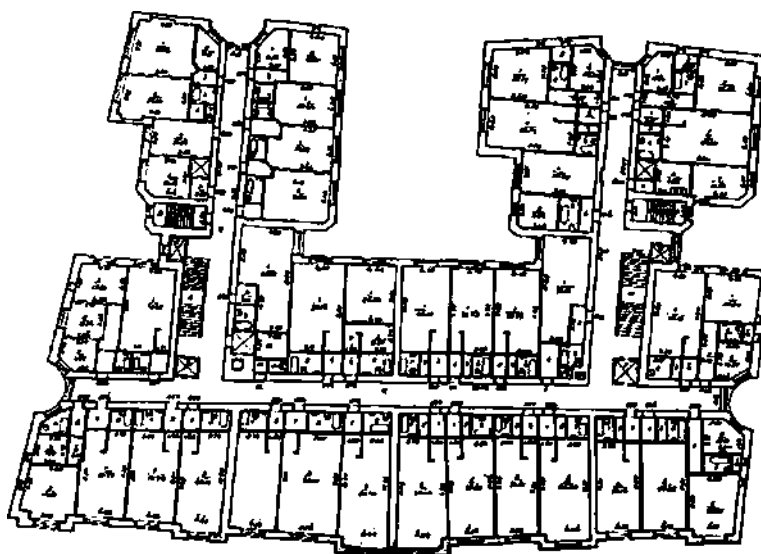
А дом Нирензее не останется даже домом Рубинштейна – в 1918 году здание будет национализировано, как и «Метрополь», «Националь» и множество других помещений, нужных советской власти. Отныне его имя – «4-й Дом Советов», на новоязе – «Чедомос». И ничего смешного, граждане. Обыкновенная аббревиатура, которым в те годы не было числа. Вот если бы таким способом сократили «1-й Дом Советов», тогда действительно могло бы получиться комично, но там (то есть в «Национале») проживали Дзержинский, Свердлов, Троцкий, и мало кто рискнул бы прилюдно зубоскалить в их адрес.

Для революционной верхушки, находившейся на полном государственном обеспечении, дома гостиничного типа подходили идеально. К чему кухня, если продуктов всё равно нет, зато в бывшем ресторане бесплатно кормят по талонам? К чему мебель, когда уже завтра ты можешь быть направлен с каким-нибудь важным заданием в другой город? Даже одежда: на что тебе запасы одежды, если при необходимости обновить гардероб достаточно напи-

сать заявку в хозупр – и просимое тебе выдадут прямо со склада вещей, реквизированных у буржуев?

Так что запросам людей нового типа «Чедомос» соответствовал и лаконичными планировками, и уровнем комфорта. Квартиры-«ячейки» площадью от 28 до 75 квадратных метров – вполне себе хоромы, особенно для тех, кто ещё недавно «был никем», как совершенно точно было сформулировано в гимне.

Лифтёры и электрики, телефонистки и уборщицы, водопроводчик и столяр продолжали обслуживать дом при новой власти, как делали это при старой; часть жильцов съехала – кто сам, а кто и не по собственной воле; классово чуждое кабаре «Летучая мышь» уступило место революционному клубу; вместо кафе «Крыша» открылась социалистическая столовая. У дома, как и у всей страны, началась новая жизнь.

План этажа дома Нирензее

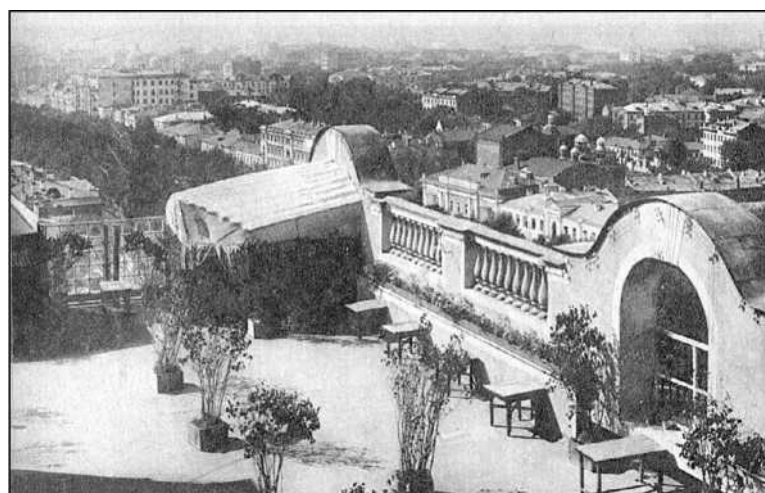
Вместо адъюнктов и приват-доцентов в здешние апартаменты въехали Матвей Шкирятов, член комиссии ЦК ВКП(б) по проверке и чистке рядов партии, Иван Лихачёв, директор национализированного завода АМО (будущий ЗИС, завод имени Сталина), Вадим Подбельский, народный комиссар почт и телеграфа, вступивший в эту должность, разогнав всех, не поддержавших Октябрьский переворот, и распорядившись не пропускать «ненужных» телеграмм.

Вместо частных кинокомпаний появилась Ассоциация революционной кинематографии (АРК), созданная Эйзенштейном и Кулешовым. Открылось представительство берлинской газеты «Накануне» – эмигрантской, но очень лояльной по отношению к советской власти. Её воскресное литературное приложение редактировал Алексей Толстой, а московскими сотрудниками стали Михаил Булгаков, Константин Федин, Всеволод Иванов, Валентин Катаев. Почти каждый из них уже сделал себе имя в литературном мире, и влекла их сюда отнюдь не возможность заработать денег, написав за полчаса очередной фельетон, а царившая в этой редакции атмосфера своеобразного литературного клуба.

Карикатура. Журнал «Прожектор», 1923 г. Подпись: «Вот человек, занимающий самое ВЫСОКОЕ положение в Москве!»

Впрочем, и сам дом, и его уникальная крыша тоже были по-своему привлекательны. Особенно в период НЭПа, когда в помещении на десятом этаже, вместо советского общепита, начал работу частный ресторанчик с увеселительными программами и опять же киносеансами поздним вечером, причём репертуар имел оттенок отчётливо ностальгический. Нетрудно представить, как было приятно сидеть у парапета душным летним днём, потягивая холодное пиво (отпускавшееся здесь не только членам профсоюза, но и простым смертным), или в сгущающихся сумерках, распивая с приятелями напитки покрепче.

Ресторан «Крыша». Открытка из коллекции Владимира Бородулина

Сиживал на этой крыше и Михаил Булгаков, описавший свои впечатления так: «В июльский душный вечер я вновь поднялся на кровлю того же девятиэтажного нирензеев-

ского дома. Цепями огней светились бульварные кольца, и радиусы огней уходили к краям Москвы. Пыль не достигала сюда, но звук достиг. Теперь это был явственный звук: Москва ворчала, гудела внутри. Огни, казалось, трепетали, то желтые, то белые огни в черно-синей ночи. Скрежет шел от трамваев, они звякали внизу, и глухо, вперебой, с бульвара неслись звуки оркестров.

На вышке трепетал свет. Гудел аппарат – на экране был помещичий дом с белыми колоннами. А на низней платформе, окаймляющей верхнюю, при набегавшем иногда ветре шелестели белые салфетки на столах и фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами».

Однажды в кафе сидели за столиком трое: Владимир Маяковский, Велимир Хлебников и Юрий Саблин. Последний, хотя и был человеком весьма интересным и даже успешным, в компании двух гениальных поэтов чувствовал себя не лучшим образом. Ну кто он был, даже награждённый орденом Боевого Красного Знамени за номером 005, по сравнению с ними?.. Так, всего лишь сын дореволюционного издателя. Однако очень хотелось быть со звёздами на равных, и потому Саблин не удержался и, показав на свой орден, выдал:

– Между прочим, таких, как я, всего пять человек на всю Советскую Россию.

– А таких, как я, всего один, – мгновенно отозвался Маяковский.

А Хлебников подумал и печально промолвил:

– А таких, как я, и вовсе ни одного...

Кстати говоря, Маяковский и Булгаков считались общепризнанными острословами, и каждая их встреча перерастала в словесную дуэль. Осколочек одной из таких пикировок сохранился в воспоминаниях Валентина Катаева:

– Владимир Владимирович, говорят, вы замечательно придумываете смешные фамилии для своих персонажей. Не поделитесь?.. Мне вот сейчас нужна типично профессорская.

– Тимерязев, – с ход у предложил Маяковский.

Как и все присутствовавшие, Булгаков рассмеялся, но профессору дал другую фамилию – Персигов.

Отношения между Маяковским и Булгаковым были непростые. Каждый из них отдавал должное чувству юмора другого и признавал его талант, но их всегда разделяла некая незримая баррикада. Возможно, это было этическое противостояние конформиста и нонконформиста. Хотя и Булгаков, конечно, пытался как-то встроиться в советскую жизнь, но, в отличие от Маяковского, он не пытался убедить себя и других, что живёт в самой лучшей стране.

При встречах оба писателя общались исключительно корректно и даже могли, перебрасываясь шутливыми колкостями, сыграть партию в бильярд где-нибудь в Доме литераторов, но в своих произведениях не упускали случая приложить противника от души. Маяковский в пьесе «Клоп» внёс Булгакова в Словарь умерших слов светлого коммунистического будущего, а Булгаков образом поэта Рюхина сказал всё, что думал о Маяковском.

А будущее тем временем всё светлело и светлело.

Фото 2014 г.

В стране начались публичные политические процессы, а в доме появился новый жилец, для которого объединили две квартиры на восьмом этаже и выделили специальный лифт, ходивший без остановок на других этажах. Говорили, что ради этого жильца и его безопасности даже прорубили новые окна, заложив при этом старое, выходившее в сторону соседней квартиры, – и этот миф дожил до наших дней, поскольку окна в таком виде и сохранились. На самом деле ещё до революции перекроил квартиру проживавший в ней художник, которому не нужно было окно, выходившее на север, ведь солнечного света оно не даёт. Так или иначе, именно в эту квартиру въехал таинственный жилец, увидеть которого соседи могли разве что выходящим из служебного лимузина, да ещё в Колонном зале Дома союзов, где он в мундире Генерального прокурора СССР поддерживал обвинение. Будучи очень квалифицированным юристом, Андрей Януарьевич Вышинский всё же не баловал своих многочисленных подсудимых разнообразием подходов, неизменно требуя для врагов народа высшей меры наказания, за что и получил прозвище Ягуарьевич.

Панорама Москвы с крыши дома Нирензее. Фото из фонда ЦИГИ, 1930-е гг.

Газета «Накануне» давно закрылась, теперь помещение редакции занимал уголовный розыск. Правда, на десятом этаже – как раз там, где был когда-то ресторан, – возникло издательство «Советский писатель». Но к тому времени некоторые из литераторов уже осознали принцип «всё вами сказанное может быть использовано против вас» и просто замолчали, другие от греха подальше нигде не появлялись в трезвом виде, многих перестали печатать, а некоторых и вовсе арестовали.

Репрессии не обошли стороной и жильцов дома, не имевших к литературе никакого отношения, – из них к концу 30-х годов сидел каждый третий.

Во время войны в здании размещался штаб 56-й артиллерийской дивизии. Расположенная на крыше зенитная батарея отражала воздушные налёты люфтваффе так успешно, что в дом не попало ни единой бомбы. Главной причиной этого факта являлась высота дома – бомбардировщики просто не имели возможности приблизиться, не попав под обстрел.

Панорама Москвы с крыши дома Нирензее. Фото из фонда ЦИГИ, 1930-е гг.

Когда враг был отброшен от столицы, бомбардировки прекратились и зенитная батарея ушла на запад вслед за войсками. Но зато на крыше, к полному восторгу местной ребятни

(да и взрослых, чего уж лукавить), всё чаще стали разворачивать батарею салютную. Когда сводка Совинформбюро сообщала об освобождении очередного крупного города, жильцы уже знали, что на крышу до самого вечера никого пускать не будут, а выходить на лестницы надо осторожно, пока солдаты не прекратят таскать по ступенькам зелёные зарядные ящики и тяжеленные детали салютных орудий.

Ближе к вечеру суeta прекращалась, на какое-то время дом затихал... а потом вдруг раздавался залиvistый свист в четыре пальца – это сигнализировал кто-то из пацанов, оставленных дежурить рядом с часовым. И сразу дом оживал, будто включили фонограмму звучания сотен ног: туфли-лодочки и мужские башмаки, тапочки стариков и протезы инвалидов, подкованные сапоги демобилизованных и босые пятки ребятни – все жильцы спешили на крышу.

Крыша дома Нирензее. Фото 2012 г.

Ох эта крыша!.. Как сладко содрогалась она от каждого залпа, как трепетало и звенело над ней многоголосое «ура!»! словно живое существо, большое и доброе, подставляла она свою широкую плоскую спину под любые затеи здешних обитателей.

До революции здесь молодёжь каталась на роликовых коньках, в советские времена старики играли в шахматы, а подростки устраивали гонки на велосипедах, пользуясь тем, что железный мостик соединял П-образную крышу в кольцо, по которому можно было наматывать круги... На протянутых верёвках хозяйки сушили постиранное бельё, не боясь, что мальчишки залепят в него футбольным или волейбольным мячом. Если спортивный снаряд перелетал через ограждение, сразу начиналась другая игра: пацаны мчались вниз, чтобы раньше соперника найти мяч и вернуть его на площадку. Строгие лифтьёры балоства не поощряли, и мяченосцы носились по лестницам, перескакивая через ступеньки, хоть вниз, хоть вверх.

Радиолюбители установили на крыше антенны своих коротковолновых передатчиков, приспособив для этого триангуляционный знак – вышку из металлического профиля, смонтированную на верхней из крыш для того, чтобы геодезисты могли по в сей Москве привязываться к данной точке при проведении топографических съёмок.

А под этим научным приспособлением собирались другие специалисты, «инженеры человеческих душ», как назвал их когда-то товарищ Сталин. Бывшее помещение ресторана пригодились для производства пищи духовной – сюда вселилась редакция издательства «Советский писатель». По её коридорам и кабинетам ходили Маршак, Паустовский, Катаев, Олеша, Симонов, Твардовский... а между ними без особого стеснения шныряли жильцы девятого этажа – например, чтобы воспользоваться редакционным туалетом за неимением собственного. Дело в том, что Нирензее не снабдил удобствами служебные помещения вроде столярной мастерской – он ведь не предполагал, что все они в советское время правдами и неправдами, но будут заселены.

За тридцать лет работы издательство так разрослось, что было вынуждено подыскать себе более просторное пристанище, а в домик на крыше въехала редакция журнала «Вопросы литературы», или просто «Вопли». Как видно по этому сокращению, народ там подобрался душевный и не без юмора – недаром к желанию режиссёра Карена Шахназарова снимать на их территории некоторые сцены фильма «Курьер» они отнеслись с пониманием и предоставили такую возможность.

Да и как откажешь, если кино на этой крыше снималось испокон веку?.. К тому же всего несколькими годами раньше Савва Кулиш снимал здесь «Сказки... сказки... сказки старого Арбата», а ещё до него проходили съёмки фильма «Служебный роман» Эльдара Рязанова. В одном из эпизодов Алиса Фрейндлих и Андрей Мягков сидят на самой верхней крыше дома, под вышкой триангуляционного знака.

Кадр из фильма «Служебный роман». Режиссер Эльдар Рязанов, киностудия «Мосфильм», 1977 г.

Лет двадцать спустя эту окончательно проржавевшую металлическую конструкцию демонтировали, как в своё время разобрали и мостик, соединявший в кольцо путь по крыше; потом дошла очередь и до ремонта кровли. Гидроизоляцию, выполненную при Нирензее в виде тонкого слоя свинца, спаянного в единый лист, восстанавливать не стали – зачем, когда уже есть более современные технологии?.. Однако вряд ли вы удивитесь, узнав, что после этого ремонта крыша начала протекать, чего с ней не случалось даже во времена артиллерийских салютов...

Вообще Эрнест Карлович Нирензее свой тучерез строил на совесть, он ведь полагал, что создаёт источник дохода для себя и своих потомков на много-много лет. Перекрытия хотя и деревянные, но из лиственницы, а она, как известно, гниению не подвержена и служить может хоть двести лет. О трубах такого не скажешь, они неизбежно ржавеют. В середине прошлого века проводился капитальный ремонт. Облицованные красным деревом кабины лифтов, утратившие свой лоск за тридцать лет, прожитых тучерезом в шкуре Чедомоса, уступили место изделиям советских лифтостроителей. Маленький лифт «имени Ягуарьевича» не так давно заменила фирма OTIS. Но отопление и прочие инженерные коммуникации снова дышат на ладан, с электропроводкой дела обстоят не лучше.

Однако ремонта жильцы и хозяева квартир боятся больше всего на свете. Причина проста и понятна: провести ремонт и реконструкцию дома под силу только мощной коммерческой структуре, а она может заняться подобным проектом исключительно в собственных интересах – например, чтобы сделать здесь хороший отель. А значит, нынешние обитатели дома ни при каких обстоятельствах вернуться сюда уже не смогут, а живущему на Пушкинской площади быть переселённым куда-нибудь в Ю-Бутово – это, что называется, нож острый.

Но нашего человека так просто не возьмёшь: какие законы ни придумывай, какие правила ни вводи, он всё равно выживет. Предки выживали при Иване Грозном и Петре Великом, при военном коммунизме и геронтократии – так неужели найдётся такая сила, на которую нам не хватит иммунитета?

Помните «Летучую мышь», поселившуюся в подвале тучереза? Революционному клубу одолеть её оказалось не по силам. Здесь всегда был театр: кабаре «Кривой Джимми», потом Театр сатиры, Студия Малого театра, цыганский театр «Ромэн», потом Учебный театр ГИТИСа... А в 1989 году вновь открылся театр «Летучая мышь».

Эпилог

Нирензее после 1918 года исчез. По неподтверждённым данным, в Америке парочка небоскрёбов построена человеком по фамилии Нирензее, так что всё возможно.

Рубинштейн, как ни странно, пострадал не от революции, а от собственной наглости. Пользуясь покровительством Распутина, он начал требовать слишком больших откатов и увяз в махинациях, с которых его покровитель не имел ничего, кроме головной боли. «Старец» обозлился и велел Митьку даже на порог не пускать. В 1916 году Рубинштейн был арестован военными властями по обвинению в государственной измене. Помимо прегрешений самого Дмитрия Леоновича, следователей очень интересовали дела Григория Ефимовича, но получить компромат на Распутина им не удалось – за пять месяцев знакомства «старец» не так уж близко к себе подпустил Рубинштейна. Дело закончилось высылкой банкира в Псков. Но подобные персонажи не тонут ни в каких ситуациях. В 1920-х годах Рубинштейн вынырнул в Европе, где был замечен в связях с большевиками, искавшими каналы для обмена реквизированных ценностей на свободно конвертируемую валюту.

Венгеров в эмиграции попытался наладить кинобизнес, но старания не увенчались успехом, судя по тому, что о его деятельности после 1917 года никакой информации нет.

Гардин не только стоял у истоков отечественной киношколы, но и активно участвовал в кинопроцессе. Правда, приход звука в кино поставил Владимира Ростиславовича перед вопросом: а готов ли он заново учиться ремеслу, которое так бойко осваивает молодёжь? Гардин поступил мудро – оставив режиссуру, он вернулся к первой профессии и снялся более чем в семидесяти фильмах, и некоторые его роли просто незабываемы. Например, граф Толстой в сцене вербовки жены царевича Алексея: «Шейка-то у тебя беленькая...» – «Не про тебя это!» – «А ну как по такой шейке. да топором тяпнуть?....»

Амо Бек, он же Амбарцум Иванович Бекназарян, кинотрюками занимался недолго. С его южным темпераментом и прекрасными внешними данными он ещё до революции сделался известным актёром немого кино. Советской власти такие перспективные нацкадры были нужны, и Амбарцум Иванович стал режиссером, а в итоге – основателем армянской кинематографии. Его имя носит студия «Арменфильм».

Саблин, как и положено герою революции, дожившему до ежовщины, был расстрелян в 1937 году.

Вышинский и Лихачёв, Подбельский и Шкирятов прожили разные жизни и умерли в разное время, но упокоились все четверо у Кремлёвской стены. От первого осталась дурная слава и кабина маленького спецлифта, от второго – завод, выпускающий автомобили, более пригодные для фронтовых дорог, нежели для мирной жизни, от третьего – название улицы и станции метро (пока их не переименовали), а от последнего не осталось и вовсе ничего.

Поговорить о Маяковском нам ещё представится случай; что же до Булгакова, то пути его персонажей неоднократно пересекутся с маршрутом нашей прогулки.

1. Пушкинская площадь

Сегодняшняя наша прогулка будет связана с великим романом Булгакова, и как же не процитировать любимого автора, стоя возле памятника а Пушкину:

«Вот пример настоящей удачливости... – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю. Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

И ведь действительно – загадка. Что уж там Рюхин с его «взвейтесь да развейтесь» – даже для Анны Ахматовой ответ был не очевиден:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

Сказать, что до Пушкина русской поэзии не было, а существовало разве что русское стихосложение – пожалуй, будет преувеличением. От Тредиаковского до Жуковского российская словесность прошла «дистанцию огромного размера». Но тогда что же такого особенного сделал Пушкин?

Проезд Тверского бульвара. Открытка из коллекции Алексея Рябова, 1900-е гг.

Он дал возможность увидеть высшую гармонию – в простоте. Приблизив поэтическую речь к разговорному языку своей эпохи, Пушкин совершил в определённом смысле культурную революцию. Во-первых, круг читателей начал резко расширяться, втягивая в себя людей из разных сословий, а во-вторых, изменилась и сама поэзия. Стихотворцы пушкинской поры осознали, что совсем не обязательно стоять на котурнах с лирой в руках, чтобы

быть поэтом. Читая пушкинские строки на фоне того, что писали в те времена, не видеть этого невозможно.

Карамзин:

Престань, мой друг, поэт унылый,
Роптать на скудный жребий свой
И знай, что бедность и покой
Ещё быть могут сердцу милы.

Пушкин:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Жуковский:

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, – где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Пушкин:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Языков:

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье...

Пушкин:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

До примитивности просто, к тому же автор позволяет себе глагольные рифмы и тавтологию – а по спине мурашки бегут. Возможно ли такое перевести на другие языки?.. Сомнительно. Должно быть, потому и не дано понять иностранцам, что за явление такое – Alexandre Pouchkine.

Ну а мы-то, конечно, с готовностью признаем, что «Пушкин – это наше всё», и ни на миг не усомнимся в том, что нет в русской истории персоны более достойной памятника на самой многолюдной площади российской столицы.

Установке монумента предшествовали долгие хлопоты Жуковского, начатые вскоре после гибели Пушкина и не имевшие успеха, поскольку Николай I разве что терпел своего великого современника, но уж точно не любил, да и не существовало в те времена традиции ставить памятники стихотворцам. Собрать денег по подписке удалось немного, а из казны правительство не выдало ничего, и довольно скоро идея угасла, тем более что установить памятник дозволялось в селе Михайловском – а кто бы его там увидел?

Владимир Орлов. Тверской бульвар, 2009 г.

Вторую попытку в 1855 году предприняли 82 чиновника Министерства иностранных дел, в штате которого поэт числился в юности. Несмотря на то что главой дипломатического ведомства вскоре был назначен князь Горчаков (тёзка Пушкина и его однокашник по первому выпуску лицея), дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Видимо, у князя своих забот хватало.

Ещё через пять лет новое прошение об установке памятника подали лицеисты пушкинского и более поздних выпусков. На этот раз предполагалось установить монумент уже в Петербурге, среди статуй Летнего сада. К тому времени слава Пушкина уже перевешивала все претензии к нему со стороны властей, и потому разрешение было дано, но опять-таки только разрешение – не деньги. Объявленный сбор средств позволил набрать около 130 тысяч рублей. Располагая такой суммой, уже можно было приступить к практическим действиям, но тогда, видимо, не было личности, обладавшей достаточным весом в обществе и готовой взять на себя организацию конкурса и множество прочих забот.

Такой человек появился и принялся за дело в 1870 году. Им стал Яков Карлович Грот, вице-президент Российской академии наук и тоже воспитанник лицея. Он организовал новую подписку, увеличившую сумму собранных средств ещё на 106 тысяч рублей.

В открытом конкурсе проектов памятника победу одержал Александр Михайлович Опекушин, сын ярославского крестьянина, потомственный лепщик (в тех местах, где он родился, многие крепостные не были земледельцами, а занимались отхожим промыслом, владея ремёслами каменотёсов, лепщиков и штукатуров). С разрешения помещицы отправленный на учёбу в Петербург, будущий скульптор продемонстрировал там не только спо-

собности, но и большую целеустремлённость – и в рисовальной школе, и в скульптурной мастерской он завершал курс обучения на год быстрее, чем другие ученики. Работая как каторжный, он скопил 500 рублей, и за эту сумму помещица Ольхина отпустила его на волю.

Однако свобода – фактор для жизни пусть и необходимый, но недостаточный. Нужна ещё и хоть маленькая толика удачи. За неимением лучшего несколько лет приходилось считать удачей возможность работать помощником у скульптора Микешина. Собственно, Михаил Микешин был художником-баталистом и не владел техникой ваяния и лепки, но зато в качестве учителя рисования великих княжон обладал связями в высших сферах. Нарисовать прекрасные эскизы памятника он мог, но вот для воплощения своих идей в бронзе ему требовались помощники, одним из которых и стал Опекушин. Вместе они создали памятник тысячелетия России в Новгороде и памятник Екатерине II в Петербурге.

Конкурс на создание памятника Пушкину явился для Опекушина прекрасным шансом проявить себя в самостоятельной работе. Это был не выигрыш в лотерею, а настоящая битва. Конкурс проходил в три тура в течение нескольких лет, и в нём приняли участие практически все видные скульпторы того времени. Даже Марк Антокольский, давно уже переселившийся в Европу, не упустил случая поучаствовать в завершающем туре. Он проанализировал обсуждавшиеся в прессе ошибки других конкурсантов, сделал выводы и очень быстро представил свой вариант – но не модель памятника, а скорее концептуальный макет многофигурной композиции, сопровождавшийся письменным пояснением автора. Такой подход к участию в конкурсе напоминал кавалерийскую атаку, поддержанную артиллерией: международная известность Антокольского обеспечила ему весьма благожелательные оценки критиков и прессы. В газетах развернулась полемика, изрядно потрепавшая нервы всем участникам конкурса, в особенности обоим фаворитам.

Члены жюри оказались в растерянности: они ведь понимали, что этот памятник – на века, но ни один из вариантов не удовлетворял их полностью. Например, Иван Крамской о работе Опекушина отозвался так: «Это не фигура поэта, но приличный статский человек – вот и всё», а модель Антокольского при всей симпатии к автору назвал «памятником не Пушкину, а самому себе», намекая на чрезмерно заметное авторское честолюбие.

Как бы то ни было, первое место всё же досталось Опекушину, он приступил к работе над отливкой и постаментом, и через пять лет состоялось торжественное открытие памятника. Произошло это 6 июня 1880 года, в день рождения Александра Сергеевича и через сорок три года после его гибели.

К тому времени образ Пушкина-поэта давно уже заслонил в сознании читающей публики образ Пушкина-человека. Но видеть разницу было уже практически некому. Например, из лицеистов пушкинского выпуска в день открытия памятника оставались в живых только двое – канцлер князь Горчаков и статс-секретарь Государственного совета Комовский. Первый из них на открытие памятника не приехал по причине болезни, второй же был на торжестве одним из почётных гостей, но памятником остался недоволен: «Как ни рассматривал я со всех сторон, ничего напоминающего – никакого восторженного нашего по эта я, к сожалению, не нашел вовсе в какой-то грустной, поникшей фигуре, в которой желал изобразить его потомству почтенный художник».

Памятник А.С. Пушкину на Тверском бульваре. Открытка из коллекции Александра Кукушкина, 1900–1910 гг.

Хотя Комовский, по прозвищу Лиса не особенно тесно общался с Пушкиным ни в лицейские годы, ни позже – в каком-то смысле он всё-таки прав: в этом задумчиво-печальном бронзовом человеке совершенно не ощущается обладатель африканского темперамента. Лицейист Пушкин, гордившийся прозвищем «Обезьяна с тигром», и в зрелые годы ничуть не утратил живости натуры. Обладая сложным характером и непоседливым темпераментом Близнеца, в частной жизни поэт был дамским угодником, картёжником и задирой, готовым вызвать к барьеру хоть известного бретёра, хоть незнакомца в театре за сделанное замечание по поводу чересчур шумной манеры выражать скуку во время спектакля. Впрочем, в большинстве случаев не Пушкин посылал секундантов, а у него требовали сатисфакции за чересчур обидные эпиграммы или шутки.

В гостинной свиньи, тараканы
И камер-юнкер граф Хвостов.

Любой приличный граф после такого полезет в драку. Однажды даже безобидный Кюхля стрелялся с другом, не стерпев очередной шуточки:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Наверное, это лишь видимость, что поэт владеет словом. На самом деле – слово владеет им, пляшет на кончике языка мелким бесёнком, и удержать этакое словцо нет никакой возможности.

У дамы Керны
Ноги скверны.

Помимо краткости, честно говоря, ничем не блещет сия эпиграмма – и придержать её при себе Пушкину следовало и как джентльмену, и как поэту, воспевшему ту же особу «как гений чистой красоты».

Кстати, это тоже загадка: почему талант, как правило, не желает быть благонамеренным гражданином и добрым соседом, а вечно прёт на рожон, разбивает любящие сердца и предаётся более или менее тяжким порокам, а тот, кого Судьба одарила не столь щедро, обычно проявляет себя как надёжный друг, прекрасный семьянин и вообще пример для подрастающего поколения? Может быть, помимо закона сохранения энергии, существует и неоткрытый пока закон сохранения добродетели... или баланса гения и злодейства в душе художника?

Хотя так ли уж это важно, если по прошествии времени от автора всё равно не остаётся ничего, кроме произведений да ещё имиджа, обычно искажённого воспоминаниями современников. А уж потомки чтят память и увековечивают по собственному разумению. В соответствии с конъюнктурой (или с генеральной линией партии) одних вычёркивают из энциклопедий, других поднимают на щит. Как писал Борис Пастернак,

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин и ль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

В 1937 году, когда в СССР с большой помпой отмечали столетие со дня гибели поэта, в Пушкинскую была переименована площадь, прежде называвшаяся Страстной. (Вообще, первая попытка переименования случилась ещё в 1918-м, но такое вычурное название, как «площадь Декабрьского восстания», конечно же не прижилось.)

Основанный при царе Алексее Михайловиче женский Страстной монастырь простоял здесь почти три столетия и многое успел пережить. Наполеоновские солдаты его разграбили и прямо у ворот расстреляли десяток горожан, пойманных на месте поджогов; большевики закрыли обитель и вселили в помещения военный комиссариат; загулявшие поэты во главе с Сергеем Есениным расписали стены монастыря своими стихами – как им казалось, революционно-богоборческими:

Есенин:

Пою и взываю: Господи, отелись!

Мариенгоф:

Граждане, душ меняйте белье исподнее!
Магдалина, я тоже сегодня
Приду к тебе в чистых подштанниках.

Эту выходку Сергей Александрович позволил себе прямо на глазах у бронзового Александра Сергеевича, стоявшего тогда на Тверском бульваре, лицом к монастырю.

Страстная площадь в 1937 г.

Пушкин и сам был в молодости изрядным шалопаем, но уж тут он вряд ли сказал бы: «Ай да Есенин, ай да сукин сын!» Потому что одно дело написать фривольную «Гавриилиаду» и за эту шалость потом долго отдуваться, другое – поглумиться над верой, зная, что совершенно ничем не рискуешь. А Есенин действительно не рисковал, поскольку тогдашний нарком внутренних дел товарищ Рыков отдал негласное указание на поэта Есенина протоколов не составлять и никаких дел не заводить, даже если он в пьяном виде учудит что угодно. А уж испохабить стены монастыря тогда и вовсе за криминал не считалось.

Да и что монастырь – в 1929 году его превратили в Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР, а в 1938-м вообще снесли в ходе реконструкции и расширения улицы Горького.

Стоявшая по другую сторону Тверской церковь Дмитрия Солунского со старинной шатровой колокольной тоже была снесена, и в 1939 году на её месте начали строить жилое здание, получившее потом прозвище «дом под юбкой» из-за угловой башенки, украшенной скульптурой девушки с моделью яхты в руках. В хрущёвские времена под предлогом ветхости (а фактически – в рамках борьбы с излишествами в архитектуре) статую демонтировали, а прозвище какое-то время ещё было в ходу.

Страстная площадь и реконструкция улицы Горького. Фото из фонда ЦИГИ, 1937–1938 гг.

На этой фотографии стройка ещё не началась, и потому хорошо виден знаменитый дом Нирензее.

В числе множества знаменитостей в этот дом часто заходил и Михаил Булгаков – то в редакцию газеты «Накануне», то в гости к знакомым. Однажды в квартире 527 на вечеринке, устроенной супругами Моисеенко по случаю Масленицы, соседкой Булгакова за столом оказалась Елена Шиловская – «женщина, в глазах которой всегда горел какой – то непонятный огонёчек».

Вообще-то на ту вечеринку не очень хотели идти ни Михаил Афанасьевич, ни Елена Сергеевна. Почему Булгаков всё же пришёл, неизвестно, а вот Шиловскую туда привело желание увидеть знаменитого драматурга.

М.А. Булгаков в компании друзей. Снято в другое время и в другом месте, но тоже в гостях – у Стронских. Москва, Чистый (Обухов) переулок, д. 1, кв. 14. Сидят (слева направо): М.А. Булгаков, художник Б.В. Шапошников, Л.Е. Белозерская, М.А. Чимишкиан, Н.К. Шапошникова, В.Я. Стронская. Стоят: И.Н. Стронский, Н.Н. Лямин, Н.М. Стронский,

неизвестный (квартирант Стронских, доктор Х.). Фотография Н.А. Ушаковой из фондов музея «Булгаковский дом», 1926 г.

«Я интересовалась им давно. С тех пор, как прочитала „Роковые яйца“ и „Белую гвардию“. Я почувствовала, что это совершенно особый писатель, хотя литература 20-х годов у нас была очень талантлива. Необычайный взлёт был у русской литературы. И среди всех был Булгаков, причём среди этого большого созвездия он стоял как-то в стороне по своей необычности, необычности языка, взгляда, юмора: всего того, что, собственно, определяет писателя. Всё это поразило меня...»

«Сидели мы рядом. – вспоминала она много лет спустя. – У меня развязались какие-то завязочки на рукаве. я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь».

Елене Сергеевне суждено было стать его третьей женой. Это ей он скажет: «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках...» Именно она сохранит для нас рукопись его романа.

Но о романе немного позже. Прежде чем тронуться в путь, ещё несколько слов о Пушкинской площади. Три линии метро пересекаются под ней, и три станции ежедневно «выпускают из дымного рта» примерно 300 тысяч человек – население небольшого города вроде Череповца или Сургута. За неимением в здешних местах металлургических заводов и нефтяных месторождений обитателям площади заняться особенно и нечем. Казино закрыли, Дом актёра давно сгорел, кинофестивали бывают раз в два года – «куды крестьянину податься?». Разве что в зимнем фонтане посидеть или в мак-дачной перекусить.

Кстати, о заведении. Первый в России «Макдоналдс», открывшийся здесь более двадцати лет тому назад, уже воспринимается как часть пейзажа, как урна на бульваре... Когда «пиво подходит к концу», сидящие в сквере тусовщики могут без лишних хлопот сбегать в «Мак» и просто не поверят, если им рассказать, какая стояла очередь в это заведение в первые месяцы его работы. Обычно она от метро огибала сквер вдоль Твербуля, сворачивала вправо к Сытинскому переулку и только потом по Большой Бронной подходила к дверям «ресторана быстрого питания». Ну, быстро или нет, а уж несколько часов под присмотром милиционеров приходилось людям отстоять, прежде чем они узнавали, что такое гамбургер и с чем его едят.

В этом же помещении до открытия диковинного фастфуда работал другой общепит – не то чтобы западный, но и не вполне советский. Знаменитое кафе «Лира» тоже можно считать символом своей эпохи. Модный интерьер, отборная публика (знаменитые или подающие надежды мужчины в поисках новых впечатлений и красивые женщины в поисках перспективных знакомств), умеренные цены (бокал сухого за 90 копеек или 50 граммов коньячку за 4.50), живая музыка и возможность потанцевать – всё это делало кафе очень популярным.

Ради возможности послушать музыку, которую не крутили по радио, или попробовать коктейль (какой-нибудь таинственный «Шампань-коблер», сносивший неокрепшие головы), у входа с раннего вечера толпилась молодёжь, одетая довольно вызывающе. Этих «печальных рыцарей жевательной резинки» клеймила центральная пресса, им регулярно выпадали неприятности по комсомольской линии, но их желание жить своей собственной жизнью, а не той, что придумана кремлёвскими теоретиками, было сильнее.

Конечно, здесь собирались не борцы с режимом, а нормальные молодые люди. Разные. Любители музыки, зачитывавшиеся Хемингуэем студенты, сынки чиновных родителей, девушки, мечтавшие познакомиться с западными дипломатами или хотя бы с нашими студентами МГИМО, обычные городские пажоны и фарцовщики, способные достать настоящие штатовские джинсы или пластинки Элвиса.

У дверей в з аведение – народа скопление, топтанье и пар.
Но народа скопление не имеет значенья – за дверями швейцар.
Неприступен и важен, стоит он на страже боевым кораблём.
Ничего он не знает и меня пропускает лишь в погоне за длинным
рублём.

Написавший эту песню Андр ей Макаревич был одним из тех музыкантов, чей путь к славе начинался в танцевальном зале кафе «Лира», как и у Константина Никольского, Вячеслава Малежика и многих других. А среди тех, кто слушал в их исполнении песни битлов и роллингов, могли за одним столиком оказаться Василий Аксёнов (молодой, но уже знаменитый писатель) и никому пока не известный студент Института востоковедения Юлик Ляндрес (отчаянный стилига и хозяин мопса, выкрашенного зелёной).

Повести Аксёнова передали царившую здесь лёгкую и свободную атмосферу, а интерьер «Лир» сохранился в экранизации романа Юлиана Семёнова «Семнадцать мгновений весны» – помните ту сцену, где Штирлица, сидящего в баре в ожидании связного, пытается клеить подвыпившая дамочка: «О нас, математиках, говорят как о сухарях... Это ложь. Ложь! В любви я – Эйнштейн!...» (Кстати, в этом эпизоде блеснула Инна Ульянова – неподражаемая Маргарита Павловна Хоботова из фильма «Покровские ворота».)

Однако совсем не об этой Маргарите наш сегодняшний рассказ, и возникла она в нём, очевидно, лишь в качестве напоминания, что пора трогаться в путь.

2. Дом настоящего человека

Дом на углу Новопушкинского сквера и Тверской отмечен несколькими мемориальными досками. Одна из них – в честь жившего здесь Алексея Маресьева, чьё имя знал любой советский школьник. Подвиг Маресьева и его военная биография несколько десятилетий работали на советскую пропаганду, превратив человека в живую легенду, в образец для подражания. Повесть Бориса Полевого, фильм Александра Столпера, опера Сергея Прокофьева сделали общее дело, подняв на пьедестал одного, а всех остальных невольно задвинув в тень.

Отнюдь не с целью развенчания, а исключительно ради объективности следует сказать, что случались на войне и другие похожие истории. Да, Алексей Маресьев сбил 11 самолётов противника, и 7 из них – уже после того, как из госпиталя вернулся в строй с ампутированными ниже колена ногами. Но были и другие лётчики, сумевшие после тяжёлых ранений вернуться на фронт и одерживать победы над врагом.

Леонид Белоусов тоже летал без ног весь последний год войны – правда, сбить ему удалось только один самолёт.

Иван Любимов получил тяжёлое ранение и лишился одной ступни; к концу войны на его счету было 20 побед, в том числе 9 – уже после возвращения из госпиталя.

Захар Сорокин отморозил обе ступни – 18 побед, из них 13 – после ампутации.

Разница между ними и Маресьевым лишь в том, что «Повесть о настоящем человеке» о каждом герое не напишешь, и уж кому повезло быть увековеченным – тому и повезло. Для полной объективности следует сказать, что не только на Восточном фронте и не только наши лётчики проявляли героизм.

Улица Горького, дом № 19. Фото из собрания Е.Н. Масленникова, 1940–1950 гг.

Англичанин Дуглас Бэйдер, мастер высшего пилотажа, потерял обе ноги ещё в 1931 году, но с началом войны вернулся в строй, в должности командира эскадрильи участвовал в Битве за Англию, сбил 20 самолётов лично и 4 в группе, а ещё 18 повредил.

Японец Сабуро Сакаи, сражаясь с американцами на Тихом океане, в одном из боёв сбил 4 самолёта противника, доведя счёт своих побед до 60, причём из того боя вернулся истекающим кровью и частично парализованным. Сложно понять, как он сажал свой «Зеро», ещё труднее – представить, как ему, ослепшему на один глаз, удавалось потом летать и сбить ещё 4 самолёта противника.

Были такие пилоты и у немцев. Адольф Галланд при испытаниях нового самолёта разбился и плохо видел левым глазом. Чтобы обхитрить врачебную комиссию, он выучил

наизусть тестовую таблицу и точно называл буквы, в каком бы направлении ни водил указкой окулист. Тот же трюк применил Петер Дюттман. Первому «полуслепому» удалось одержать 104 воздушных победы, второму – 152.

Воздушный бой

Естественно, что нацистская пропаганда тоже не упустила возможности создать образы героев. Одним из них стал Ханс Ульрих Рудель, пилот штурмовой авиации. За время военных действий он уничтожил 9 самолётов, 519 танков, свыше 800 автомобилей, 50 позиций артиллерийских батарей, 4 бронепоезда. Потопил линкор «Марат», лидер «Минск», эсминец «Стерегающий», около 70 десантных судов.

Зенитным огнём его сбивали более тридцати раз, пять раз был ранен. Шесть раз совершал посадку за линией фронта, чтобы вывезти сбитые экипажи. Всего он выполнил 2530 боевых вылетов (вдумайтесь в эти цифры). После очередного ранения Руделю ампутировали нижнюю часть голени. Не прошло и двух месяцев, как он вернулся в строй и продолжал воевать... Такой человек – просто находка для пропаганды, и, если бы его не было, Геббельсу пришлось бы его выдумать.

Ханс Ульрих Рудель стал единственным человеком, награждённым Рыцарским крестом с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Эту особую награду, которой должны были удостоиться 12 лучших «сынов фатерланда» после победы рейха, фюрер вручил Руделю 1 января 1945 года, когда стало уже ясно, что победы рейха не будет.

А ведь всего четырьмя годами ранее мало кто из немцев сомневался в победе. На оккупированную советскую территорию даже успели завезти блоки финского гранита, из которого собирались создать монумент в память своего триумфа...

«Хочешь насмешить Создателя – расскажи Ему о своих планах». Брошенный при отступлении гранит был использован для облицовки нижних этажей домов № 9 и 11 на улице Горького.

3. Дом Труда и Правды

Здание на противоположной стороне Тверской снова стоит, укрытое чехлом. Всего лет пять назад дом реставрировали, но тогда он так долго находился в этом состоянии, что даже можно было забыть, как он выглядел до начала процесса, и возникало подозрение: не для того ли всё было затеяно, чтобы заработать на рекламе, покрывавшей его буквально со всех сторон. Тогда вид здания практически не изменился – посмотрим, что будет в этот раз.

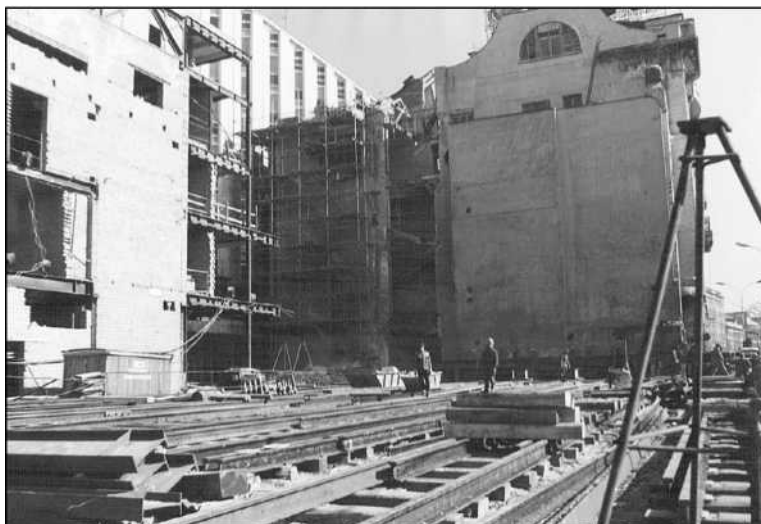
Построенный в 1904 году Адольф фон Эрихсоном по заказу книгоиздателя И.Д. Сытина, сто лет назад дом выглядел вот так. Внизу размещался книжный магазин Сытина, на втором и третьем этажах – редакции ему же принадлежавших газеты «Русское слово» и журнала «Искры», а семья Ивана Дмитриевича занимала верхний этаж и мезонин. После революции на месте сытинских редакций обосновались советские – сначала «Правда», потом «Труд», обычное дело.

Тверская улица, дом № 186. Фото 1910-х гг.

Нечто необычное произошло с этим зданием в 1979 году: его передвинули с одного места на другое. Собственно, в Москве подобные операции проводились неоднократно, особенно в конце 1930-х годов, когда на одной только улице Горького (Тверской) при её расширении передвинули целых три дома – Саввинское подворье, здание Моссовета и глазную больницу. Приспособления для подобных операций в те времена использовались довольно простые: гидравлические домкраты и полиспасты, то есть системы тросов и колёсных блоков, известные с древности. Однако и этими средствами удавалось перемещать здания весом от 500 до 25 000 тонн на расстояние до 200 метров.

Прежде чем постройку отделить от фундамента, её по линии среза укрепляли обвязочным поясом из прокатного металла, затем изготавливали другой фундамент на новом месте и прокладывали несколько рельсовых линий, по которым на стальных катках зданию предстояло передвигаться.

Перемещение бывшего дома Сытина. Фото из архивных фондов Департамента культурного наследия города Москвы, 1979 г.

Процесс передвижки требовал довольно много времени, поскольку в первую очередь требовалось объект переместить, не повредив, и лишь во вторую – сделать это в срок. Иногда задача усложнялась тем, что здание предстояло не только передвинуть, но и развернуть, однако в любом случае повседневная жизнь обитателей мигрирующего дома не претерпевала никаких изменений – Моссовет работал в обычном режиме все те четыре месяца, пока здание готовили к перемещению, и те 40 минут, за которые его передвинули на запланированные 14 метров, а жилые дома переезжали даже без отселения жильцов. Понятно, что все инженерные сети (электричество, водопровод, канализация), подключённые через гибкие шланги и кабели, при этом функционировали.

Что касается дома, который мы видим, то в техническом смысле операция по его перемещению не представляла собой ничего особенного – от здания отделили секции с лестничными клетками, уложили 8 ходовых путей и по ним со средней скоростью 2 сантиметра в минуту за 28 часов переместили здание на 34 метра, до Настасьинского переулочка, где дому предстояло соединиться с концертным залом издательства «Известия».

Вид на улицу Горького от Страстной площади. Фото из фонда ЦИГИ, 1934 г.

Необычными в этой операции представляются два факта. Первый: дом не задвигали за «красную линию», а перемещали вдоль неё, что довольно странно. Второй: дом не сломали, хотя вполне могли бы. Для первой из загадок кто-то придумал довольно забавное объяснение: сытинский дом отодвинули в сторонку, чтобы он своим модернистским фасадом не заслонял социалистическое величие нового корпуса комбината «Известия». Что можно на это сказать? Художественные вкусы у представителей партийной верхушки бывали своеобразные, – но вряд ли уж настолько. На самом деле причина передвижки была сугубо рациональна: готовилась к открытию станция метро «Горьковская» (ныне «Тверская») и нужно было сделать так, чтобы вход на станцию был виден с улицы Горького.

Удивительно, почему сытинский дом всё же передвигали, а не разрушили, как это при строительстве всё того же здания «Известий» произошло с соседним зданием, в котором работал кинотеатр «Центральный», а также с «домом Фамусова» (а если точнее, то особняком М.И. Римской-Корсаковой, на балах и приёмах у которой собирались персонажи, вдохновившие Грибоедова на создание «Горя от ума»).

А причина проста. Дом спасла мемориальная доска со словами: «В этом здании с 1918 по 1929 год работала секретарём редакции газеты «Правда» Мария Ильинична Ульянова». Факт, возможно, и достопамятный, но вот мне хочется рассказать о совсем другом человеке.

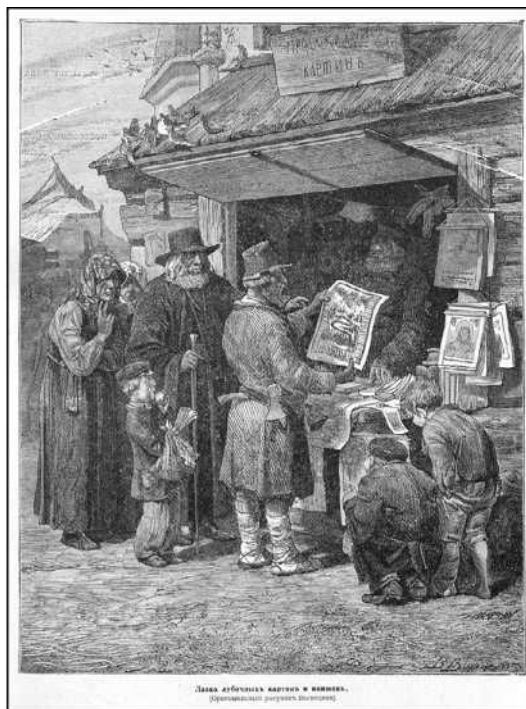
Издатель

Из всех изобретений и открытий в науке и искусствах, из всех великих последствий удивительного развития техники на первом месте стоит книгопечатание.

Чарлз Диккенс

Как известно, испорченные квартирным вопросом москвичи очень ревниво относятся ко всем «понаехавшим». В особенности если те добиваются успеха. Справедлива эта неприязнь или так проявляется комплекс неполноценности рождённых в «нерезиновой», но так и не поймавших своего шанса, мы выяснять не будем. Лучше расскажу про одного из тех, кто свой шанс создал собственными руками.

Начиналась эта история почти как чеховский рассказ «Ванька Жуков». Двенадцатилетний Ванька, старший из четверых детей волостного писаря с ела Гнездниково, был отдан в обучение скорняку на Нижегородской ярмарке. Мальчишка оказался смекалистым и работающим, и мог бы из него выйти хороший меховщик или торговец пушным товаром, а получился крупнейший российский книгоиздатель.

Виктор Васнецов. Лавка лубочных картинок

Иван Дмитриевич Сытин, окончивший три класса сельской школы, до конца жизни писал с ошибками, но какое это имеет значение, если ни в жизни, ни в бизнесе он не ошибался? На шестнадцатом году жизни Иван приехал в Москву, имея в кошельке пару рублей мелкой монетой, а в шапке – письмо, рекомендовавшее его купцу Шарапову как человека непьющего и честного. Однако вышла незадача – нужды в торговце-коробейнике Шарапов не имел. Правда, ему требовался смышлёный человек в книжную лавку, недавно унаследованную от брата. Иван заверил, что книжки очень любит и потому всенепременно справится. Книг он в жизни видывал немного, так что в этом слухавил, но зато в главном не обманул: лавка начала приносить прибыль.

Шарапов присмотрелся к парню как следует и, уверившись, что толк из него будет, предоставил свободу действий. Сытин свёл знакомство с бродячими торговцами и быстро организовал целую сеть из коробейников, носивших по деревням немудрёную печатную продукцию: сказки, песенники, лубочные картинки... Совсем недавно сам ходивший с «коробочкой», Иван прекрасно ладил со своими дилерами и потому легко получал из первых рук информацию о том, на что вообще есть спрос. Можно и нужно было открывать собственное дело, но мешало отсутствие капитала.

Бездетный старик Шарапов полюбил Ивана как сына, потому и помог ему, как родному: за толкового, но безденежного парня сосватал шестнадцатилетнюю дочку купца-кондитера, и очень удачно – Евдокия родила Ивану десять детей, и сыновья стали отцу помощниками. Помогли Сытину и 4 тысячи рублей приданого. Заняв у Шарапова ещё столько же, Иван купил свой первый литографский станок, с которого и началось огромное издательское дело, – но не будем забывать и о том, что главная часть любого предприятия есть голова его владельца, а в идеях у Ивана Сытина недостатка не было.

Первая идея выстрелила в годы Русско-турецкой войны. Тема освобождения братьев-славян от владычества Османской империи очень воодушевляла все слои российского общества, даже тех людей, кто и не знал толком, где находятся Балканы. Сытин принялся выпускать иллюстрированное «Пособие для читателей газет» в виде карт с обозначением театра военных действий, диспозиций войск и мест сражений. Очень большие тиражи позволяли держать низкие цены. Это делало сытинский проект неуязвимым для конкурентов и вообще прибавляло популярности его изданиям.

Другим прорывом на рынке печатной продукции стали календари. Ещё с петровских времён издавать календари позволялось только Академии наук (видимо, из опасения, что на Руси всегда найдутся самородки, способные выдумать не только 32 мая, но и 33-е). Привилегию уж е лет двадцать как отменили, но до Сытина никому и в голову не приходило, что в открывшейся нише – настоящий Клондайк.

А Иван Дмитриевич просто добавил к собственно календарю ещё некоторые полезные сведения: святцы, указатель железнодорожных станций, описание государственного устройства Российской империи, ну и так, по мелочи – от рецептов вкусных и питательных блюд до народных средств лечения ящура.

Обложка «Народного русского календаря». Издательство И.Д. Сытина

Сытинские календари стоили по двугривенному, а выглядели на полтину, и народ их буквально с руками отрывал. Заказы посыпались лавиной, и нипочём не удалось бы удовлетворить такой безумный спрос, если бы не возможность купить новую типографию на доходы от карт военных действий. Уже на второй год издания этого календаря тираж его составил 6 миллионов экземпляров.

Следующий хит продаж был прост до гениальности: книжица в 365 листков, каждый из которых по линии дырочек отрывался, уступая место следующей дате, а на обороте сорванного листка, прежде чем свернуть из него пару самокруток, можно было прочесть что-то интересное. Причем интересное не «так, вообще», а рассчитанное на вполне определённый круг читателей. Календари выпускались разные: «Всеобщий русский», «Народный сельскохозяйственный», «Общепольный», «Царь-колокол» и тому подобное. Целый штат редакторов старался сделать так, чтобы публиковавшаяся в календарях информация не повторялась и давала пищу уму.

Первая типолитография И.Д. Сытина на Пятницкой. Из коллекции М.В. Золотарёва

Но однажды перестарались. Перепечатали из какого-то иностранного источника такие статистические данные: «Американский рабочий ест фунт говядины в день, английский $\frac{3}{4}$ фунта, французский и немецкий — $\frac{1}{2}$ фунта. Русский 2 золотника». Вскоре пришло полицейское предписание об изъятии из продажи всего тиража. А тираж был так велик, что убытки от его уничтожения стали бы для фирмы катастрофой.

Надо было как-то выкручиваться, ведь с властями шутки плохи... Единственная защита от них — это более высокие власти. И Сытин через кого-то из знакомых нашёл способ передать великому князю Константину Константиновичу экземпляр злосчастного календаря вместе со своими письменными объяснениями по поводу произошедшего. Великий князь, человек образованный и утончённый (он переводил Шекспира и Гёте, сочинял стихи и драмы, представляя публике свои произведения под псевдонимом К. Р.), счёл уместным замолвить словечко перед Александром III.

Фамилия Сытина была императору известна: не так давно он собственноручно утвердил Устав товарищества «И.Д. Сытин и К^о» и знал, что фирма печатает не только календари и лубочные картинки, но также издаёт произведения Пушкина, Гоголя и других великих русских писателей, причём по очень доступным ценам. Понимая, что закрытие такого предприятия России не на пользу, государь решил дело по своему разумению, оставив на поданной ему записке собственноручную резолюцию: «Не вижу оснований налагать кару на сие издание».

От календарей и книг Сытин естественным образом перешёл к выпуску газет и журналов. Один из его журналов — «Вокруг света» — издаётся до сих пор. Это предназначенное для юношества издание Иван Дмитриевич купил в 1891 году и кое-что в нём изменил — как обычно, привёл продукт в соответствие с запросами потребителя: снизил цену подписки до 5 рублей в год (то есть каждый из еженедельных выпусков обходился юному подписчику всего лишь в гривенник), а в качестве бонуса читатель получал ежемесячно по книжке Майн Рида, Жюль Верна, Дюма или Конан Дойла... За такое чтение мальчишки готовы были подписаться на что угодно, и потому тираж журнала очень скоро увеличился в 10 раз.

Самое удивительное в карьере Сытина — то, насколько долговечными оказались использованные им приёмы. Ведь отрывные календари издаются до наших дней, а литературное приложение к журналу «Вокруг света» возродилось в 1961 году, и миллионы школь-

ников знакомились с произведениями Саймака и Шекли, передавая друг другу на переменах эти маленькие затрёпанные книжечки.

Стремление добиваться наилучших результатов приводило Сытина к прогрессивным решениям, а те, в свою очередь, обеспечивали дальнейшие успехи. На предприятиях Ивана Дмитриевича устанавливалась самая современная техника, да и само здание сытинской типографии на Пятницкой было построено заново по проекту архитектора Адольфа а Эрихсона и инженера Владимира Шухова. При типографии начала работу школа технического рисования и литографического дела. Лучшим из её выпускников Сытин предоставлял возможность получить высшее образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества – ему ведь нужны были и талантливые кадры

Автомобили «Лорелей» Товарищества И.Д. Сытина для развозки газет «Русское слово». Открытка из коллекции Михаила Азарха, 1900-е гг., публикуется впервые.

В те же годы Эрихсон для сытинской газеты «Русское слово» построил здание на Тверской. В этом доме Иван Дмитриевич и поселился, поближе к редакции. В делах помогали сыновья: первенец Николай стал заместителем отца, Василий принял на себя руководство издательством, Ивану поручили реализацию продукции. Петра отец отправил в Германию изучать экономические науки. Нашлось бы дело и для Дмитрия, но младший из сыновей захотел стать офицером. Кстати, в годы Гражданской войны он воевал на стороне красных, служил в штабе Михаила Фрунзе. Но этот факт не сыграл никакой роли. После революции вся собственность Сытина была национализирована, здания на Пятницкой стали 1-й Образцовой типографией, газету «Русское слово» большевики закрыли за то, что она не поддержала Октябрьский переворот. Сытина даже арестовали и некоторое время продержали в заключении, а когда выпустили, его дом уже занимала редакция «Правды».

И.Д. Сытин. Фото 1900–1910 гг.

Однако неоспоримые заслуги Ивана Дмитриевича Сытина в деле просвещения русского народа всё же приняли во внимание. По личному указанию Ленина Сытин был назначен консультантом Госиздата, его даже из квартиры не выселили, а с 1927 года, когда бывший владелец крупнейшей российской издательской фирмы окончательно отошёл от дел, ему была назначена персональная пенсия в размере 250 советских рублей.

Эпилог

Мемориальная доска с именем Ивана Дмитриевича Сытина на доме всё-таки есть, даже целых две. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

А рядом с доской, посвящённой деятельности сестры вождя мирового пролетариата, могла бы висеть и другая: «Здесь в книжном магазине И.Д. Сытина работал приказчиком будущий поэт Сергей Есенин».

Правда, книгами он торговал так недолго, что не сохранилось документальных свидетельств – точно ли работал именно здесь или же в каком-то другом из сытинских магазинов, известно только, что на Тверской. Подобно всем, кто приехал покорять столицу, поэт постоянно перемещался всё ближе к своей цели: от конторщика в мясном магазине до приказчика в книжном, от наборщика в типографии до корректора, и так до января 1914 года, когда напечатанное в детском журнале первое стихотворение дало Есенину право считать себя поэтом, после чего он с чистой совестью ушёл на вольные хлеба.

Видимо, рецепт успеха один на все времена: видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий...

4. Малый Палашёвский, большой Палашёвский

Свернув влево под арку, мы покинем шумную Тверскую и попадём в Малый Палашёвский переулок. Историки полагают, что в древности здесь была слобода оружейников, которые изготавливали палаши (прямые сабли). Поскольку рядом находилась Бронная слобода, версия выглядит достаточно убедительной. По крайней мере, в это легче поверить, чем в компактное проживание здесь артели московских палачей. Хотя, учитывая стабильный спрос Российского государства на людей этой вредной профессии, почему бы и нет?

Церковь Рождества Христова, что в Палашах. Фото конца 1920-х гг.

Дом А. Сытина. Фото из собрания Э.В. Готье-Дюфайе, 1914 г.

Идущий влево в сторону Тверского бульвара Сытинский переулок не имеет отношения к Ивану Дмитриевичу. До революции едва ли не большинство переулков назывались по фамилии кого-то из домовладельцев – самого известного, или самого богатого, или просто владевшего самым крупным участком. Этот дом в стиле классицизм принадлежал капралу Измайловского полка Андрею Сытину, о котором никакой информации не сохранилось.

Построенный в 1806 году, в пожаре 1812-го полностью деревянный особняк – не только штукатуренные колонны, но даже похожий на лепнину декор тоже выполнен из дерева – уцелел просто чудом. Не меньшим чудом можно считать и то, что усадьба пережила советскую эпоху, особенно период расселения коммуналок, а именно в этом статусе она и пребывала до 1980 года. По случаю приближавшейся Московской Олимпиады здание отреставрировали, но это была последняя хорошая страница в биографии дома.

Ни прежние балансодержатели, ни нынешние арендаторы не занимаются поддержанием памятника в достойном состоянии – и остаётся только надеяться, что свой лимит чудесных спасений здание ещё не исчерпало. Почему бы и нет?... Чудеса случаются, и за примером далеко ходить не нужно.

Большой Палашёвский переулок до 1927 года именовался Рождественской улицей по церкви Рождества Христова, построенной ещё при Иване Грозном. Святыней этого храма был чудотворный образ Божией Матери «Взыскание погибших». Наполеоновские солдаты церковь разграбили, а икону саблями порубили на куски, но она и после этого продолжала совершать исцеления, и образ был восстановлен.

Перед этой иконой венчалась Марина Цветаева с Сергеем Эфроном в 1912 году. Простым смертным будущего знать не дано, но поэты наделены даром предчувствия:

Будет скоро тот мир погублен,
Посмотри на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

И дом исчезнет, и храм в 1935–1937 годах разберут, чтобы на его месте построить школу. А чудотворная икона начнёт свои скитания. Воскресенская церковь на Малой Бронной, куда перенесут икону, тоже будет вскоре закрыта и разрушена. Образ найдёт приют в храме Воскресения Словущего на Успенском вражке. Там, в Брюсовом переулке, случится пожар, но и в огне икона уцелеет...

5. Трёхпрудный переулок

Место, в древности известное как Козье болото или К ози-ха, стали называть Патриаршей слободой после того, как в начале XVII века здесь появилась усадьба патриарха Гермогена и дворы его приближённых и челяди. Иерарху церкви не пристало жить на болотах, и в 1683–1684 годах уже другой патриарх (Иоаким) распорядился болото осушить, для чего были вырыты пруды, которые и дали название переулку.

Пруды, соответственно, назывались Патриаршие, и это название сохранилось, причём во множественном числе, хотя три маленьких пруда в начале XIX века были засыпаны, и остался только тот, самый знаменитый.

По левой стороне Трёхпрудного, на углу с Малым Козихинским, стоит интересный дом под № 5/15. Комнатка, похожая на скворечник или голубятню, – вовсе не шутка зодчего. Архитекторы вообще-то чувством юмора не обделены, только проявлять его в работе позволяют себе нечасто (ибо дорогое это удовольствие – шутить в камне и бетоне).

В данном случае необычная комнатка служила чем-то вроде капитанского мостика, на который можно было подняться с биноклем. И весьма вероятно, что проживавший на верхнем этаже строитель и владелец здания Эрнест Карлович Нирензее оснастил своё жилище этим скворечником именно для того, чтобы иметь возможность окинуть взором площадки, на которых для его клиентов строились доходные дома.

Бывший доходный дом Нирензее в Трёхпрудном переулке. Фото 2012 г.

Они располагались поблизости – в Трёхпрудном, Козихинском и Ермолаевском переулках, на 1-й Тверской-Ямской, – и уж наверняка были отсюда прекрасно видны два «тучереза» – в Большом Гнездниковском и Оружейном переулках. Второй из них, возводившийся для домовладельца Лобозева, Эрнест Карлович украсил угловой башенкой, на своём же «доме холостяков» обошёлся без излишеств: минимум лепнины и небольшое майоликовое панно.

Размещённое в самой верхней части аттика, панно можно хорошенько разглядеть разве что из скворечника Нирензее, да и то при помощи бинокля. Но если присмотреться к изоб-

ражению, вы его узнаете, потому что видели эту сцену на фасаде «Метрополя». Очевидно, художник Александр Головин повторил одну из своих работ по заказу Нирензее или к уже готовому панно, хранившемуся на складе Абрамцевских керамических мастерских, добавил два ряда плиток, чтобы изображение с полукруглым верхним краем вписать в прямоугольник.

6. Кооператив «Творчество»

Наискосок от «скворечника» сто лет тому назад стоял домик невзрачный, зато примечательный своими обитателями – в нём проживал создатель Музея изящных искусств профессор Иван Цветаев с дочерьми Мариной и Анастасией.

Иван Владимирович в 1913 году умер, повзрослевшие дети разъехались, а дом снесли, и на его месте построили здание весьма необычного вида. Его нижние четыре этажа полностью лишены декоративных элементов, зато два верхних украшены так щедро, как делалось разве что до революции. Но нет, дом был построен в 1926 году. Правда, верхние два этажа с эркерами и очень оригинальным балконом появились уже после войны, в 48-м, о чём свидетельствуют цифры на лепном гербе в обрамлении гипсовой бахромы, звёзд, гирлянд и двух рогов изобилия.

Дом И.В. Цветаева. Фото 1900—1910 гг.

Дом кооператива «Творчество». Фото 2014 г.

Дом принадлежал кооперативу «Творчество», и, если судить по тому, с какой лих остью размахнулся на верхних этажах архитектор Д.Д. Булгаков, у его заказчиков даже в нежирные послевоенные годы с изобилием было всё нормально. Видимо, члены кооператива набили руку на создании идеологически правильных произведений.

Однако единственная мемориальная доска на фасаде посвящена певице, буквально затоптанной советской критикой за «цыганщину», безыдейность и мещанство.

Белая цыганка

*Дай мне коснуться тебя губами,
налить вина и глядеть на пламя,
как будто есть еще строки в песне,
как будто мы еще здесь – и вместе.*

Ирина Богушевская

Даниил Григорьевич и Софья Исааковна Ливиковы имели свой маленький гешефт при ростовском городском театре: муж мастерил театральные шляпы и прочие головные уборы, жена делала парики, накладные усы и бороды. От трудов праведных не наживёшь палат каменных, а всё же семья не бедствовала, и одну из четырёх дочерей даже отправили учиться в консерваторию, но самую младшую музыке не учи ли, хотя петь Изабелла всегда любила.

Однажды её пение услышал сосед, скрипач симфонического оркестра. Поражённый, он попытался уговорить родителей показать девочку хорошему преподавателю, но отец не рискнул: две дочери в консерватории – это многовато для бедной еврейской семьи. Однако сосед не унимался, и едва Изабелле исполнилось шестнадцать, предложил ей выступить в концерте на летней площадке театра.

«Я пела романс из репертуара модной в ту пору Надежды Плевицкой «По старой Калужской дороге». Спела два куплета, и... комар влетел мне прямо в рот, открытый на высокой ноте. Я поперхнулась, закашлялась и убежала со сцены, решив, что это конец моей карьеры. Но мне дали водички, утешили, уговорили спеть заново. Зрители встретили меня аплодисментами и заставили исполнить еще две песни».

Папе пришлось капитулировать. Беллу отправили в Петербург, сестра Анна отвела её в консерваторию к своему профессору. После прослушивания тот сказал Анне: «У вашей сестры незаурядный голос – низкий, с красивым редким тембром, почти контральто. Судьба послала ей природную постановку голоса. Учиться не надо. Ни в коем случае! Сведите ее с хорошим эстрадным певцом, пусть выучит с ней несколько песен – и она готовая певица».

Вот так и получилось, что «мадам Вечный Аншлаг» до конца жизни не знала музыкальной грамоты, что, впрочем, не мешало ей с блеском выступать на сценах нашего Большого театра и парижского концертного зала «Олимпия». Но до этих взлётов было ещё далеко. Пока она просто пела в своём неподражаемом стиле, напоминавшем цыганскую манеру исполнения, за что даже была прозвана «белой цыганкой».

Шла Первая мировая война, когда Изабелла приехала в Москву – на прослушивание в сад «Эрмитаж», знаменитый своими эстрадными концертами. Всё прошло удачно, оставалось лишь подписать контракт, но тут выяснилось, что начинающей артистке всего семнадцать лет. Импресарио расстроился даже сильнее, чем сама Изабелла; когда он уговаривал певицу прийти через год именно к ним, она улыбалась, потому что знала: всё у неё получится. И действительно, вскоре состоялся дебют Изабеллы Юрьевой (такую фамилию взяла она для сцены).

Выступления в Москве имели успех, но времена настали непростые: революция, Гражданская война, всякого рода «чистки»... однако удалось как-то приспособиться и к такой обстановке. Юрьева продолжала выступать и даже приобрела некоторую известность, но только в Москве, и это её не устраивало. Хотя в 1920-х годах основная административно-политическая жизнь Советской России кипела в Москве, центр культурной жизни

пока ещё оставался в Петрограде. Поэтому Изабеллу очень заинтересовала новость о приезде из Питера администратора по фамилии Рафаэль.

На сцене сада «Эрмитаж» он организовал прослушивание для молодых артистов, чтобы пригласить в Петроград тех, кого сочтёт перспективными. Изабелла постаралась произвести на него впечатление – она словно чувствовала, какую роль сыграет в её судьбе эта поездка. Рафаэль подписал с ней контракт на тех же условиях, что и с более известными артистами: Смирновым-Сокольским, Хенкиным и Утёсовым – по 20 рублей за выступление.

Два червонца по тем временам составляли сумму настолько серьёзную, что в Питере бухгалтерия закатила скандал. За подписание такого контракта с никому не известной певичкой несчастного администратора вызвали на ковёр и чуть не уволили. Из-за дубовой двери доносилось: «Что вы себе думали, Рафаэль?....» – «Я у видел, услышал и умер. И вы умрёте!....» – «Да заберите её обратно в Москву и чтобы вы были здоровы!».

На прослушивание, куда были приглашены московские артисты, Юрьеву даже пускать не хотели, но Рафаэль настоял на своём, ведь для него это была единственная возможность не вылететь с работы.

Восприняв ситуацию как вызов, Изабелла шагнула в слепящие лучи прожекторов, как под дуло дуэльного пистолета, – предельно собранная, скрывающая волнение под внешним спокойствием. После второй песни захлопали, после третьей аплодисменты раздались такие, что она поняла: в зале не только отборочная комиссия, но и зрители. По окончании прослушивания оказалось, что первые ряды занимали директора кинотеатров, эстрадные администраторы, люди из мира оперы.

Юрьева получила сразу несколько предложений и даже немного растерялась, но тут из зала раздался голос (как ей показалось, тот самый, что доносился недавно из-за дубовой двери): «Позвольте, я возьму ее к себе». На сцену взбежал молодой брюнет, поцеловал Изабеллу руку и сказал: «Вы не только прекрасная певица, но и красивая женщина».

Он и сам был «интересный мужчина», как выражались в те годы. Иосиф Аркадьевич Эпштейн, юрист по образованию, а по роду деятельности – главный администратор театрального концерта, никогда не чувствовал себя обделённым вниманием прекрасного пола. Но в этот вечер решилась его судьба: голос Юрьевой что-то перевернул в его душе, а взглянув в сияющие глаза Изабеллы, он понял, что никто другой ему не нужен.

Изабелла Юрьева. Открытка из коллекции Алексея Рябова, 1930-е гг.

Юрьева тоже не испытывала недостатка в поклонниках. Конечно, в смысле карьерных перспектив администратор в сравнении с множеством прочих претендентов имел преиму-

щества весьма существенные (и даже решающие, с точки зрения большинства артисток), но Изабеллу покорило не это. Для Иосифа никак не разделялись его любовь к ней как к женщине и восхищение талантом певицы. Он принимал её предназначение и готов был сделать его смыслом собственной жизни.

Он стал её мужем, администратором, а также ангелом-хранителем, оберегавшим от чересчур назойливых поклонников, среди которых встречались и люди довольно влиятельные. Слова для песен, ставших в её исполнении самыми популярными, тоже написал он (под псевдонимом Иосиф Аркадьев). С присущим ему юмором сравнивал себя с Федей Протасовым, при случае то напевая, то произнося с театральной патетикой любимую фразу: «Я погиб за цыганский романс».

Поистине, выбирая себе мужчину, женщина выбирает и судьбу. Изабелла ни разу не пожалела о своём выборе. Все те сорок шесть лет, что они с Иосифом прожили вместе, муж был для неё защитой и опорой. Вместе они мчались в такси по предрассветным парижским улицам в ту декабрьскую ночь, когда у Изабеллы начались родовые схватки. Год спустя вместе читали полученную из Ленинграда телеграмму с известием о смерти маленького Володи. У единственного сына был порок сердца, и родите ли никогда не покидали его, но в тот раз, уезжая в Москву на выступления, ненадолго оставили малыша у родственников.

Иосифу пришлось принять непростое решение – хоронить сына он уехал один, велел жене остаться в Москве. До концерта оставалось всего пара дней, и билеты были распроданы. Муж сумел бы найти способ отменить выступление и выплатить неустойку, но он знал, что выход на сцену заставит Изабеллу отключиться от мыслей о сыне.

В те годы не существовало бульварной прессы, была только советская, и потому личное горе артистки не стало достоянием публики (да и вообще в начале XX века свою личную жизнь люди не выставляли на всеобщее обозрение). Поэтому публика наслаждалась полным страсти и печали голосом, не пытаясь понять, отчего немудрёные в общем-то слова этих песен так берут за душу. А в ложе над рампой, стиснув лицо в ладонях, задыхалась в рыданиях подруга певицы, единственный человек в зале, который знал.

Через несколько лет советская власть всерьёз взялась строить социализм, а заодно принялась строить и всех присутствовавших. Индустриализацией и коллективизацией не ограничились, развернули борьбу с любыми отступлениями от генеральной линии партии. Критики вроде тех, что у Булгакова призывали «крепко ударить по пилатчине и тем богомазам, что пытаются протащить её в печать», принялись наклеивать ярлыки и бороться с есенинщиной, цыганщиной и прочим «упадочничеством». И в том самом зале мюзик-холла на Триумфальной (будущей Маяковской) площади, где когда-то бисировала Изабелла Юрьева, концерты стали напоминать сеансы чёрной магии с последующим её разоблачением – только в данном случае сначала кто-нибудь из комиков выходил с пародией на произведения в жанре романса, а потом должна была выйти Юрьева и петь перед публикой, уже и не знающей, то ли освистывать артистку полагается, то ли можно всё-таки похлопать.

Увидев, как Изабелла рыдает за кулисами, Иосиф коротко сказал: «Хватит! Выступать больше не будешь! С голоду не умрём». И на целых семь лет выступления прекратились, тем более что инстинкт самосохранения отчётливо требовал не находиться на виду. Как удавалось Иосифу держаться на плаву, можно только предполагать. В хорошие времена он интересовался антиквариатом, а это штука получше валюты и камешков: и дорожает с каждым годом, и сделки с предметами старины закон не запрещает. Единственная проблема состоит в ликвидности, но при наличии хороших связей с понимающими людьми продать можно что угодно, а связей у бывшего администратора хватало.

После 1937-го, когда ежовщина так «почистила» страну, что бороться с лёгкой музыкой стало просто неуместно, Юрьева смогла возобновить концерты, и популярность к ней стре-

нительно вернулась. Гонорары были такие, что Иосиф сумел вступить в кооператив «Творчество», и вскоре они справили новоселье в Трёхпрудном.

А потом началась война. Агитбригады ездили по фронтам, поднимали воинский дух. Несколько советских песен разучила и Юрьева, но исполнить их ни разу не довелось – как только ведущий объявлял её выступление, бойцы начинали требовать «Белую ночь», «Если можешь, прости», «Всё впереди»... Людям, живущим на линии фронта, хочется не патетики, а простых человеческих чувств из мирной жизни, которой им так не хватает.

Она выступала в госпиталях и на заледеневшем Кольском полуострове, в разрушенном Сталинграде и в Ленинграде, где за время блокады дала более ста концертов.

Так уж у нас повелось, что если властям припекает, то сразу «Братья и сестры!» и много высоких слов о Родине, а как беда чуть отступила, государство очень доходчиво каждому объяснит, что ты никто и звать никак, причём делается это обычно на ярких примерах. Печально знаменитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», превратившее Зощенко и Ахматову в тренажёры для битья, имело целью не персоналии, а общее закручивание гаек.

Изабелла Юрьева. Фото из коллекции Алексея Рябова, 1940-е гг.

Досталось и «цыганщине». Романс, как буржуазный пережиток, обрекли на забвение. Вместе с ним предстояло уйти в небытие и «белой цыганке».

Судьба, которая непременно всё уравнивает, Изабелле Юрьевой неизрасходованную творческую энергию конвертировала в долголетие, – так в армии отбывающим в командировку выдают пищевое довольствие сухим пайком. Впрочем, всё сложилось не так уж плохо: Иосиф Аркадьевич возобновил свои операции с антиквариатом, так что заботиться о хлебе насущном Изабелле Даниловне не приходилось, а выходить на сцену для исполнения любовных романсов на шестом десятке уже не очень-то и уместно, не правда ли?..

Только вот зачем и в этом возрасте Судьба ей сохранила голос? Тот самый, низкий и страстный, очаровавший не только администратора Иосифа Эпштейна, но и Иосифа Сталина, а он действительно любил слушать её пластинки.

Умер генсек и упокоился в Мавзолее; и был вынесен из Мавзолея и без особых почестей похоронен у Кремлёвской стены. Умер и муж, оставив её в одиночестве на семьдесят втором году жизни. А она всё жила год за годом, потихоньку продавая вещицы из коллекции супруга, всеми забытая... Но оказалось – не всеми. И человек, вспомнивший о ней раньше других, по странному стечению обстоятельств тоже звался Иосиф.

Вхожий в самые высокие кабинеты, Иосиф Кобзон мог бы решить её бытовые проблемы, если бы в этом была нужда. Но единственное желание, пронесённое Юрьевой через годы забвения, было – петь. Пусть изменилось время и публика тоже изменилась, но голос Юрьевой остался прежним, да и сама она, миниатюрная и стройная, отнюдь не казалась ветхой, когда на шпильках вышла на сцену Театра эстрады. А ей ведь было уже девяносто три года!

Звание народной артистки России ей присвоили, минуя «заслуженную». Ещё через несколько лет Изабеллу Даниловну наградили орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, словно правительство торопилось почтить певицу, пока она ещё жива.

А она жила себе спокойно, словно знала, что отпущенный ей век целиком и полностью в её распоряжении. И вместо «столетия со дня рождения» взяла да и позволила отметить свой круглый юбилей! Такое небывалое событие отпраздновали в Концертном зале «Россия».

В зале не было людей её поколения – только люди, полюбившие голос Изабеллы Юрьевой, когда мамы или бабушки ставили пластинки, доставая их из пожелтевших конвертов. Иосиф Кобзон на руках вынес её на сцену и поставил перед микрофоном. Маленькая и сухонькая, Изабелла Даниловна уже выглядела как старушка. Но голос Юрьевой в тот день звучал так же, как и в прежние годы.

Эпилог

Конечно, сейчас и тексты песен, и манера исполнения Юрьевой уже кажутся такими же странными, как её твёрдо выговариваемое «ч», но что с того?.. Это человек-эпоха. Атмосфера шипящих патефонов и немного синематографа, крепдешинowych платьев и шляпок с вуалетками мгновенно возникает в воображении, стоит лишь услышать её чувственное контральто:

Мне сегодня так больно, слёзы взор мой туманят,
Эти слёзы невольно я роняю в тиши.
Твои письма читаю, не могу оторваться
И листки их целую – если можешь, прости!

7. Скоропечатня Левенсона

Анастасия Цветаева вспоминала, как однажды к Марине после выхода первой книги её стихов явился незнакомый юноша и начал донимать поэтессу вопросами. Не зная, как избавиться от этого зануды, Марина сперва отвечала серьёзно, потом стала нести откровенную чушь, но он даже и тогда не понял намёка. В конце концов Марина подвела его к окну и показала на скоропечатню Левенсона:

– А тут живёт наш дед, он – феодальный барон.

А сестра добавила:

– И мы каждый день ездим к нему в карете с гербами.

Тут до гостя наконец дошло, что пора прощаться.

Однако же и вправду откровенно сказочный облик имеет это здание – по крайней мере, парадная его часть; тыльная сторона полностью отвечает своему промышленному назначению.

«Товарищество Левенсон» было основано в 1881 году Александром Александровичем Левенсоном и специализировалось на высококачественном воспроизведении памятников древнерусской письменности, издании богато иллюстрированных книг, а также выпуске литографий. Двадцатую годовщину своей деятельности издательство встретило в новом здании, построенном по проекту Франца Шехтеля. Сохранились какие-то свидетельства, что заказчик устроил конкурс, и Шехтель в нём участвовал. В последнее поверить было бы можно – Шехтель был человеком очень скромным и козырять заслугами не любил, но вот вряд ли Левенсон стал бы затевать конкурс, когда буквально в сотне шагов от места, где предполагалось построить типографию, уже три года как стоял и поражал воображение прохожих подобный замку собственный дом знаменитого архитектора (а ведь Левенсон к тому времени был с Шехтелем знаком уже много лет и даже поручал ему несколько заказов). Но туда мы ещё не дошли, давайте пока полюбуемся зданием скоропечатни.

Фрагмент рекламного объявления скоропечатни «Товарищество А.А. Левенсон», 1905 г.

«Издали оно красиво выступает своими лёгкими линиями, высокой шатровой крышей и остроконечностями, – так описывал его сам заказчик. – Вблизи впечатление значительно выигрывает. Несмотря на свои размеры, постройка не кажется чересчур массивной, а, напро-

тив, поражает своей легкостью. В наружных украшениях – полная умеренность. Всего один барельеф, простой, художественно исполненный дрезденским скульптором».

Скоропечатня А.А. Левенсона. Фото из журнала «Зодчий», 1901 г.

Проект здания был утверждён в феврале 1900 года, и строительство уже шло полным ходом. Тем временем Шехтель съездил в Париж, чтобы принять участие во Всемирной выставке. Понятно, что домой архитектор вернулся, переполненный идеями, воплощать которые ему хотелось не в будущих работах, а уже сейчас. Вносить изменения в проект было поздно, но почему бы не изменить хотя бы некоторые детали декора и интерьеров? В частности, обратите внимание на оконные переплёты – по форме это уже чистейший модерн: большая плоскость, разделённая на три секции, верхние части которых состоят из маленьких прямоугольников (в таком же стиле будут нарисованы Шехтелем окна театра МХТ в Камергерском переулке).

Если выпадет случай попасть внутрь, обратите внимание на лестницу – она выполнена в совершенно иной манере, чем можно было бы ожидать по впечатлению от фасада.

Барельеф на фасаде скоропечатни Левенсона. Фото 2014 г.

Первая книга Марины Цветаевой была напечатана именно здесь, у Левенсона, как и множество других изданий, заслуживающих внимания. Но из двух закреплённых на фасаде мемориальных досок ни одна не позволяет себе размениваться на подобные пустяки.

Та, что поменьше, ограничится ритуальной фразой «Охраняется государством», а та, что побольше, торжественно сообщит, что в этом здании прошёл первый сбор первого пионерского отряда в Советской России. По случаю такого знаменательного события Трёхпрудный переулок был в 1924 году переименован в Пионерский, а Большой и Малый Патриаршие переулки – в Большой и Малый Пионерские. Как были переименованы Патриаршие пруды, тоже догадаться несложно. Однако у консервативных москвичей в обиходе новые названия так и не прижились, так что мы с чистой совестью забудем об этом факте.

8. Закоулочек

Сразу за домом, примыкающим к скоропечатне, уходит влево от Трёхпрудного переулка к Большому Козихинскому довольно необычный закоулочек. Его можно было бы принять за переулок, если бы не закрывающие проезд металлические ворота.

Говорят, что некоторые жильцы дома любят подшутить над теми, кто приходит к ним впервые, предлагая гостям проявить смекалку и найти подъезд № 5. Казалось бы, ну что сложного, есть адрес: Трёхпрудный переулок, дом № 11/13; от первого подъезда отсчитываешь ещё четыре – и дело в шляпе. Только сначала обнаруживается, что в доме все подъезды нечётные, но пятый среди них отсутствует; затем выясняется, что дом напротив имеет тот же номер, и подъезды в нём чётные (правда, откуда-то затесался среди них девятый, но пятого нет как нет). И только потом, если сохранить душевное равновесие и проявить некоторое упорство, то за аркой во внутреннем дворе удастся найти искомое.

Кто и зачем отмочил такую шутку? Может, виной всему старик Хоттабыч, поселившийся здесь по авторскому произволу Лазаря Лагина, ныне забытого писателя, а когда-то знаменитого жильца этого дома? Как утверждали Стругацкие, джинны специализируются на том, чтобы разрушать города и строить дворцы, а также исполнять заковыристые желания.

Фото 2014 г.

Думается, что архитектору Нирензее помощь джинна могла бы пригодиться при выполнении заказа здешних домовладельцев, семейства Волоцких. Так получилось, что этот доходный дом строился поэтапно, точнее даже – по частям: новые подъезды архитектор достраивал по мере того, как Волоцкие понемножку прикупали соседние участки. Поэтому фасад здания особым изяществом не поражает (что поделать, легко ли строить дом, не представляя, где именно будет его очередной подъезд!..), и вообще под № 11/13 здесь возведено целых три строения, причём планировки квартир во всех подъездах разные.

Однако по нынешним временам такая эксклюзивность объекта недвижимости лишь добавляет ему ценности. Поэтому здесь в разное время жили или сейчас проживают

люди состоятельные и известные, в числе которых, например, Татьяна Догилева и Михаил Мишин, а также Наталья Бонк – автор учебника английского языка, памятного всем, кто учил его в институте.

Те же самые старожилы, от которых я это узнал, рассказывали, что в 20-х годах в одной из квартир дома существовал карточный притон, который (пока его не прикрыла доблестная милиция) посещали Есенин и Маяковский. Кстати, если уж о Маяковском зашла речь именно сейчас, имеет смысл завернуть в Мамоновский переулок.

9. Мамоновский переулок

Здесь с XVIII века располагалась усадьба Дмитриевых-Мамоновых, что и дало название переулку. Члены семейства занимали видное положение при дворе и в среде русской аристократии. Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов дослужился до адмирала, сын его Матвей – до тайного советника и сенатора, внук Александр стал фаворитом Екатерины II, а правнук Матвей оставил в нашей истории след самый яркий, хотя и неоднозначный.

Унаследовавший от отца пожалованный Екатериной графский титул и одно из крупнейших состояний того времени, Матвей Александрович был волен располагать собой как заблагорассудится. Он сочинял стихи, изучал историю пугачёвщины, вступил в масонскую ложу и уже в семнадцать лет был возведён в степень «великого мастера». Официальная карьера тоже складывалась всем на зависть: в восемнадцать лет Дмитриев-Мамонов пожалован в камер-юнкеры (что соответствовало в те времена чину V класса – статскому советнику или премьер-майору гвардии). В двадцать он уже обер-прокурор Московского департамента Сената.

Но тут грянула «гроза 12-го года» и разом всё изменила.

В порыве патриотических чувств молодой граф произнёс речь, наделавшую в обществе много шума. Он объявил о готовности поставить под ружьё своих крестьян и «употребить все свои доходы на военные нужды, оставив для себя лишь по 10 тысяч рублей ежегодно» и действительно начал формировать за свой счёт Московский казачий своего имени полк. Помимо крепостных, вступали в полк и волонтёры, а на офицерские должности записывались представители московского дворянства, но дело шло медленно, и Матвей переложил все заботы на командира формируемой части, а сам устремился в действующую армию.

Он успел принять участие в Бородинском сражении, отличился в сражениях под Тарутином и Малоярославцем, а вот его кавалеристы на тот момент были способны разве что обеспечивать порядок при отходе армий через Москву. Лошадей не хватало, закупленную амуницию вывезти было не на чем, и она погибла в сгоревшем городе, поэтому часть была передислоцирована в Ярославль и переформирована в уланский графа М.А. Дмитриева-Мамонова полк, а награждённый золотой саблей «За храбрость» двадцатидвухлетний шеф полка был произведён в генерал-майоры.

Но, как впоследствии написал Пётр Вяземский, «граф всегда был тщеславен, а эти отличия перепитали гордость его.

К тому же он никогда не готовился к военному делу и не имел способностей, необходимых для командования полком. Пошли беспорядки и разные недоразумения...». За недисциплинированность мамоновское воинство было прозвано «мамаевцами» ещё до того, как приняло участие в боевых действиях, а уж в европейском походе солдаты показали себя во всей красе: не давали спуска ни местному населению, ни союзникам-австрийцам, а в Германии какой-то городок и вовсе спалили, после чего полк был возвращён в Россию и расформирован. Восприняв это как личную обиду, Матвей Александрович отправил императору письмо столь резкое, что дело кончилось отставкой (формально – по болезни).

Однако то, что воспринималось всеми как нездоровая эксцентричность молодого графа, было лишь естественным проявлением его мировосприятия. Ведь Дмитриевы вели род от Рюриковичей, от Владимира Мономаха, причём по мужской линии, а не по женской, как Романовы. Поэтому граф Матвей без пиетета относился к Александру I, да и династию в целом считал «мнимыми родственниками наших государей, которые совсем не Романовы, а происходят от голштинцев».

Неудивительно, что ещё в 1815 году Дмитриев-Мамонов вместе с Михаилом Орловым основал тайное общество, намереваясь отменить крепостное право и превратить Россию в

аристократическую республику с двухпалатным парламентом на манер британского. Кроме этого, «Орден русских рыцарей» ставил своей целью «лишение иноземцев всякого влияния на дела государственные» и «конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих». Оптимальным способом реализации задуманного представлялся военный переворот.

Никаких практических шагов предпринято не было, да и организация существовала главным образом в воображении её немногочисленных членов, однако напечатанные на французском языке «Краткие наставления русским рыцарям» М.А. Дмитриева-Мамонова привели к помещению автора под домашний арест. Данная мера отнюдь не остудила пыл Матвея Александровича – после выхода в отставку граф удалился в своё подмосковное имение Дубровицы, где его радикализм и эксцентричность проявились уже в полной мере. Там, у слияния рек Десны и Пахры, Дмитриев-Мамонов начал строить настоящую крепость, для обеспечения секретности предпринимая меры весьма решительные, хотя и странные.

Он никого не принимал, и даже Орлову, чтобы нанести визит соратнику, пришлось пробиваться с применением силы. Затворник обитал в комнате, где хранились знамя князя Пожарского и окровавленная рубашка убиенного царевича Дмитрия. Отрастивший бороду и волосы, Матвей Александрович свою комнату при свете дня не покидал. Еду и чистую одежду для него полагалось оставлять в соседнем помещении, куда граф выходил, только если там никого не было.

Днём граф чертил планы укреплений, а ночью выходил инспектировать ход работ, втыкая специально приготовленные колышки в землю в тех местах, где надлежало возводить редуты, капониры и контрэскарпы. Устные указания о том, как именно эти укрепления следует строить, подрядчик получал каждое утро, являясь в прихожую и почтительно выслушивая заказчика через запертую дверь. Инструкции были чёткими и разумными, оплата – щедрой, и работы продвигались успешно. Впрочем, завершить их не удалось.

Когда умер старый камердинер графа, пришлось нанять нового, которым оказался бывший крепостной князя Волконского. Надо сказать, что князя Петра Михайловича считали не только основателем русского Генерального штаба, но кое-кто числил его сред и создателей российского политического сыска; так или иначе, новый слуга за проявленную им чрезмерную любознательность вскоре был выпорот и согнан со двора. Любой помещик, безусловно, имел право сечь своих крестьян, но к вышедшим из крепостного звания людям применять телесные наказания был не вправе. Потерпевший добрался до Москвы и явился с жалобой к генерал-губернатору. Тот направил в Дубровицы своего адъютанта, которого граф не удостоил аудиенции, но через него ответил губернатору письмом, что слуг за их провинности наказывать телесно – «это право передано нам от предков наших». С высоты своего происхождения не видя разницы между губернатором князем Голицыным и хоть самым государем, граф Матвей даже изумился: «Как вы смели писать это мне, человеку, который предшествует вам по всему на свете, кроме по табели о рангах», но завершил послание вежливо: «Всегда готовый встретить вас шпагою и пистолетом, вашего сиятельства покорный слуга граф Дмитриев-Мамонов».

Ознакомившись с посланием и выслушав доклад адъютанта о дубровицкой фортеции, генерал-губернатор не стал вызывать Матвея Александровича к барьеру, а просто отправил отряд жандармерии с приказом доставить графа в Москву. По повелению государя Дмитриев-Мамонов был помещён под домашний арест, а затем назначенная Голицыным медицинская комиссия признала графа недееспособным, и собственный дом превратился для него в место заточения. В декабре 1825 года при воцарении нового императора присягать Николаю I граф Матвей отказался – и был официально объявлен сумасшедшим. Купив у Юсуповых огромную усадьбу на Воробьёвых горах, назначенные графу опекуны перевезли его туда. Под присмотром врачей, регулярно обливавших своего пациента холодной водой в

порядке терапии, а иногда обряжавших его в смиренную рубашку, Матвею Александровичу предстояло провести последние тридцать лет жизни в усадьбе, москвичами названной «Мамонова дача».

Император Александр II вскоре после вступления на престол помиловал доживших до того времени декабристов, а заодно вспомнил и о создателе «Ордена русских рыцарей». Царь-освободитель готов был снять опеку с Матвея Александровича, но гордый граф на это ответил, что коли уж он сумасшедшим пережил двух императоров, то пусть и при третьем всё остаётся как есть. Однако пережить третьего ему было не суждено. На семьдесят третьем году жизни обитатель «Мамоновой дачи» погиб от ожогов, когда на нём вспыхнула политая одеколоном сорочка. Был ли это несчастный случай или нечто иное, теперь установить уже невозможно.

Дом графа в Мамоновском переулке был в 1830 году продан под размещение глазной больницы, и вот уже почти два века он является медицинским учреждением. В 1940 году при реконструкции улицы Горького созданный архитектором Матвеем Казаковым особняк мог погибнуть. Но исторический памятник не сломали, а переместили, причём постройку весом в 13 300 тонн пришлось повернуть на 97 градусов и надвинуть на заранее возведённый цокольный этаж (иначе невозможно было установить здание в переулке, имеющем довольно значительный уклон).

Расположенный напротив усадьбы Дмитриевых-Мамоновых маленький голубой особнячок, в котором сейчас служебный вход в Театр юного зрителя, до революции принадлежал владельцу скульптурных мастерских Михаилу Кутырину. Работы его камнерезов мы видели, когда гуляли по Ильинке, и ещё увидим во время сегодняшней прогулки. А в здании ТЮЗа размещалось артистическое кафе «Розовый фонарь», закрывшееся в октябре 1913 года после выступления футуриста Маяковского, прочитавшего «Нате»:

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.

Нужно признать, что за последние сто лет искусство эпатажа достигло таких зияющих вершин, что на фоне Sex Pistols или Pussy Riot попытки молодого Маяковского шокировать публику своей брутальностью выглядят невинными подростковыми понтами. Однако до Первой мировой войны дамы ещё умели падать в обморок, а кавалеры пока не научились пить спирт из чайников, и страна в целом оставалась непуганой, так что футуристам было где порезвиться.

НАШИ ФУТУРИСТЫ. 13 февраля въ Литературно-художественномъ кружкѣ во время чтенія одного изъ рефератовъ о футуристахъ разыгрался крупный скандалъ, потребовавшій даже вмѣшательства полиціи. Московскіе футуристы Ларионовъ, Бурлюкъ и Маяковскій своими выпадами вызвали негодованіе публики, которая стала свистѣть и требовать ихъ удаленія. Бурлюкъ на этотъ вечеръ явился съ раскрашенной физиономіей.

А. А. Шемшуринъ, Д. Д. Бурлюкъ (съ раскрашенной физиономіей) и В. Маяковскій.

Несколькими месяцами ранее у Маяковского был другой имидж: поэт щеголял в плаще с пелериной и в широкополой чёрной шляпе, надвинутой на самые брови, что делало его похожим не то на флибустьера, не то на карбонария. Перед выступлением он сбрасывал свою крылатку и представал перед публикой в жёлтой блузе, украшенной чёрным галстуком-бантом. По воспоминаниям Корнея Чуковского, скандалы на выступлениях происходили так часто, что «полиция запретила Маяковскому появляться в жёлтой кофте перед публикой. У входа стоял пристав и впускал Маяковского только тогда, когда убеждался, что на нём был пиджак. А кофта, завернутая в газету, была у меня под мышкой. На лестнице я отдал её Владимиру Владимировичу, он тайком облачился в неё и, эффектно появившись среди публики, высыпал... свои громы».

Владимир Маяковский. Фото 1912 г.

Про «жёлтую кофту фата» написано достаточно, что же до галстука-банта, то он остался не только на фотографиях той поры, но и на обложке первой книги поэта, выпущенной им вместе с друзьями. Макет делали недалеко отсюда, в доме архитектора Шехтеля, и эту историю я непременно расскажу, как только мы дойдём до места.

Владимир Маяковский, «Я». Обложка книги и портрет автора, 1913 г.

Что же касается здания театра, то у него тоже есть своя история. Изначально здесь располагалось реальное училище, но в 1911 году группа любителей театра решила организо-

вать собственную антрепризу и осуществила свой проект, специально для него перестроив дом. Почему именно здесь, сейчас уже и не узнать, но, возможно, сыграло роль случайное созвучие: переулочек Мамоновский, а одним из учредителей стал драматург Сергей Мамонтов, сын Саввы Ивановича.

Впрочем, он очень скоро, разойдясь во взглядах с другими организаторами, объявил о своём выходе из проекта и даже попытался отсудить у них 15 тысяч рублей, внесённые им в уставной капитал, но «Театр смеха и веселья» пережил и это, и уход ещё двух учредителей – художников Е. Лансере и В. Замирайло.

Оставшиеся руководить театром супруги Арцыбушевы (актриса и художник) взяли курс на поиск новых форм и создали в результате Театр одноактных пьес, что и неудивительно – люди той поры так ценили краткость, что начало XX века стало эпохой сокращений и аббревиатур. На сцене Арцыбушевского театра миниатюр шли драмы и оперетты, балетные дивертисменты и оперы, но непременно одноактные, чтобы представление укладывалось в полтора часа. Это позволяло давать три представления за один вечер, что сильно увеличивало рентабельность антрепризы, а ведь времена наступали тяжёлые, началась Первая мировая война.

Александр Вертинский. Фото 1914–1917 гг.

Для приезжавших с фронта офицеров, сытых по горло ура-патриотизмом, требовалось что-то либо смешное, либо возбуждающе-чувственное. Сделали танцевальный номер, слегка пародируя «танго аргентинских гаучо», некогда исполнявшееся на этой сцене Тамарой Карсавиной и Вацлавом Нижинским. Но теперь к стильной паре танцоров прибавился третий персонаж: точно попадая в ритм танго, исполнял забавную песенку-речитатив некий никому не известный молодой человек. Публике он понравился, что и отразилось в рецензии газеты «Русское слово», где дебютант был упомянут кратко, но одобрительно: «Остроумный и жеманный Александр Вертинский».

Окрылённый успехом, Вертинский готов был и дальше исполнять свои «арии», но образу мечтательного поэта, в котором он выступал, не доставало оригинальности. Мария Арцыбушева нашла неожиданное, но очень точное решение. Вместо маски Арлекина, роль которого молодому артисту уже случалось исполнять на этой сцене, она предложила примерить маску Пьеро. Выходя к зрителям в костюме грустного клоуна, в мертвенно-бледном, «лунном», свете софита, Вертинский и представить себе не мог, что образ «чёрного Пьеро» переживёт и театр в Мамоновском переулке, и даже человека, вошедшего в этот образ в историю русской культуры.

10. Феодалный замок

Там, где Трёхпрудный переулок соединяется с Ермолаевским и Благовещенским, слева стоит очень необычный дом. Но прежде чем он захватит наше внимание, давайте посмотрим в противоположную сторону и припомним ключевой эпизод романа:

«Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. <...> Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, она по другой. „Нравятся ли вам мои цветы?...“»

Не здесь ли произошла эта встреча?.. По сторонам от Тверской переулков множество, но из них кривых только три: Брюсов, Малый Гнезниковский и Благовещенский. Про первые два можно рассказать столько интересного, что скучными их никак не назовёшь. А Благовещенский переулок ничем особым в истории не прославлен.

Зато совсем рядом – «нехорошая квартира» в доме № 302-бис и сад «Аквариум», где в театре «Варьете» был устроен сеанс чёрной магии с полным её разоблачением. В общем, булгаковские места. Не потому ли в качестве возможного «дома Маргариты» иногда указывают и на особняк, который стоит на соединении Трёхпрудного и Ермолаевского переулков? Например, художник Сергей Тюнин в серии своих очень необычных иллюстраций нарисовал её жилище именно таким.

Дом Ф.О. Шехтеля в Ермолаевском переулке. Фото из коллекции М.В. Золотарёва, конец 1890-х гг.

Хотя сёстры Цветаевы и называли феодалным замком скоропечатню Левенсона, дому Шехтеля этот почётный титул подходит гораздо больше, причём в связи не только с его внешним видом, но и с режимом охраны. После революции в особняке проживал один из соратников Сталина, товарищ Бубнов (пока его не расстреляли), а потом здание перешло в распоряжение Наркомата иностранных дел и стало дипломатическим представительством. Поэтому нам с вами вряд ли выпадет возможность полюбоваться шехтелевскими интерьерами. Разве что ваша тётя Лаура, проживающая в Уругвае, попросит передать послу своей страны горячий привет и бутылку домашней настойки на кактусах. Хотя есть и другой вариант: накануне Всемирного дня музеев заблаговременно обратиться в Москомнаследие и попытаться

попасть в список желающих посетить этот охраняемый памятник культуры. Только имейте в виду, что желающих много, и если честно, через тётку Лауриту будет проще.

Дом Ф.О. Шехтеля в Ермолаевском переулке. Парадный вход. Фото Марии Ермоловой, 2014 г.

Во всяком случае, нам никто не мешает любоваться зданием снаружи (и даже фотографировать его, если не слишком нагло это делать: милиционеры не препятствуют, поскольку дипломаты не жалуются, ведь уругвайцы – люди цивилизованные и понимают, что занимаемое ими здание – памятник нашей, российской культуры).

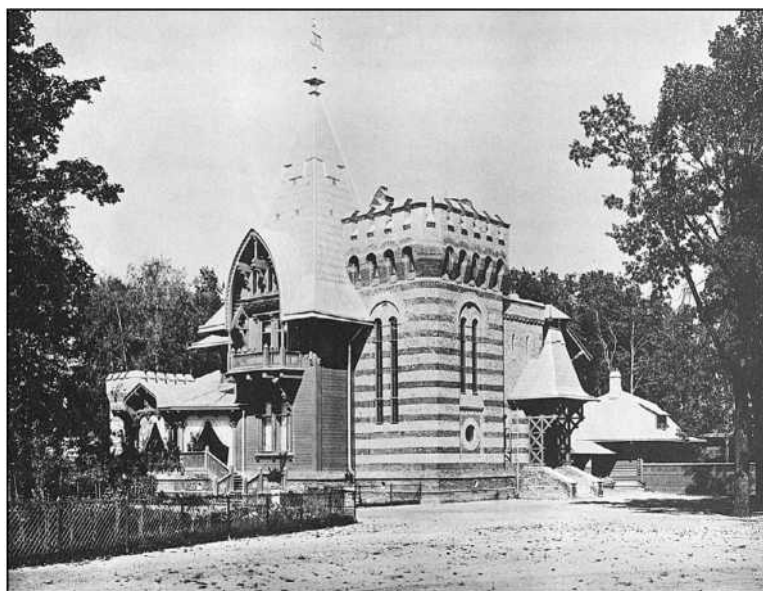
Ф.О. Шехтель в своём доме в Ермолаевском переулке. Фото из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой, конец 1890-х гг.

В конце XIX – начале XX века, когда строительные работы выполнялись в основном вручную, а фурнитура и отделочные материалы производились на маленьких предприятиях небольшими партиями, стоимость изделий серийных и выполненных на заказ различалась не принципиально – во всяком случае, не в разы. Поэтому заказать для своего жилища оригинальные дверные ручки или, допустим, плитку для пола мог любой человек, способный эскизы для них оплатить либо выполнить собственноручно. Первое было не каждому по карману, второе предполагало наличие таланта, но не составляло никакой проблемы, если творец и заказчик выступали в одном лице. Для практикующего архитектора, кстати говоря, сделать свой дом неповторимым являлось насущной необходимостью, ведь к нему приходили не только друзья, но и потенциальные клиенты, и в этом случае жилище зодчего воспринималось как часть портфолио.

Впрочем, к своему творению сам Шехтель относился с юмором и в письме к Антону Чехову, с которым состоял в приятельских отношениях, выразился так: «...построил избушку непотребной архитектуры, которую извозчики принимают то ли за кирку, то ли за синагогу». Однако отнюдь не смешными были обстоятельства, вследствие которых возник этот особняк.

В 1890-х годах Франц Осипович с семьёй проживал на Петербургском шоссе в небольшом симпатичном доме, построенном по собственному проекту. В течение трёх лет смерть дважды посетила это жилище, и для Наталии Тимофеевны, потерявшей сына и мать, оставаться в этих стенах стало неважноту, тем более что она вновь ждала ребёнка. Шехтель продал дом, и весь год, пока строился новый, семья провела на съёмной квартире.

Но даже перевернув страницу и начав с чистого листа, архитектор не мог отрешиться от мыслей о жизни и смерти. Правда, они уже приняли направление не трагическое, а философское. Свой новый дом зодчий украсил мозаичным панно с изображением лиловых ирисов. Три цветка – распускающийся, расцветший и увядающий – замерли над главным входом, символизируя три периода жизни. На тёмной стене замка подобная аллегория могла бы смотреться мрачновато, но сияние золотистых кусочков смальты создало такой жизнерадостный фон, что символ читается иначе: такова природа, её вечный круговорот. Видимо, это и хотел сказать Франц Осипович: «Мой дом – моя крепость», жить в которой он собирался долго и счастливо, прежде чем родное гнездо унаследуют дети.

Дача И.В. Морозова в Петровском парке (1895, не сохранилась). Фото из журнала «Зодчий», 1901 г.

Облик здания абсолютно нетипичен для Москвы. У него нет главного фасада – фасадом является каждая из сторон особняка, не похожая на остальные. Массивные стены из тёмного, как бы сильно обожжённого кирпича с элементами кладки из белого известняка; окна, кажущиеся узкими в сравнении с большим окном главного зала; мощная шестигранная башня с главным входом и вторая, увенчанная острым коническим шатром... Практически все эти черты относятся к романскому стилю, господствовавшему в X–XII веках в Западной Европе и слегка затронувшему некоторые страны Восточной Европы, но только не Русь с её традиционным деревянным зодчеством.

Почему здание получилось именно таким, объяснить можно, если знать, что в последней четверти XIX века в моде был историзм, проявлявшийся в различных вариантах – от русско-византийского стиля до завезённой из Британии неоготики.

Попробовать себя в этих направлениях Шехтель уже успел и, всегда пребывая в поиске чего-то нового, обратил внимание на работы американского архитектора Генри Гобсона Ричардсона, возрождавшего неороманский стиль, *Romanesque revival*. Построенные амери-

канцем общественные здания унаследовали лаконичную монументальность и рациональность композиции от средневековых монастырей и замков.

Особняк Н.В. Кузнецовой на Мещанской улице (1894–1896, перестроен в конце 1960-х гг.) Фото из сборника «Архитектурные мотивы», 1899 г.

Планировка замка в целом проста: ближе к центру располагается главная башня (донжон), а вокруг неё группируются остальные строения, обычно представляющие собой простые геометрические формы – кубы, призмы, цилиндры. Если взять данный принцип за основу, получится, что дом можно проектировать «изнутри наружу»: скомпоновать внутренние объемы в соответствии с функциональным назначением каждого из них, а потом для получившейся конструкции создать фасады.

Шехтель так и поступил, в 1896 году предугадав те изменения, которые произойдут в архитектуре уже совсем скоро, в период модерна. Кованая решётка ограды, мозаика над входной дверью – тоже приметы стиля, ярчайшим представителем которого в России предстояло стать Францу Осиповичу Шехтелю.

Честная бедность

*Он лежит на спине,
на дощатом своём топчане,
и во сне,
закрывая глаза,
всё равно продолжает глядеть в небеса,
потому что не может не строить
своих фантастических зданий.*

Юрий Левитанский

Если существует Книга Судеб, то в ней напротив имени «Франц Осипович Шехтель» наверняка проставлена пометка: не жили богато, нечего было и начинать. По крайней мере, к его дяде и полному тёзке Ф.О. Шехтелю это относилось точно – ему довелось и разбогатеть, и разориться. Если вам кажется, что проводить подобные параллели между биографиями родственников неуместно, судите сами.

Саратовский купец и предприниматель Франц Осипович Шехтель принадлежал к роду, обосновавшемуся в России во времена Екатерины II и вполне обрусевшему – члены семейства свободно говорили по-русски и являлись российскими подданными, да и жили не в составе немецкой колонии, а в центре города, поддерживая деловые и дружеские связи с саратовским купечеством. Впрочем, разрыва с соплеменниками тоже не случилось: Франц Шехтель организовал немецкий танцевальный клуб, сделавшийся настолько популярным, что со временем трансформировался в первый в городе театр.

Семейство Шехтель: Юлия, Александра, Дарья Карловна, Мария, Осип, Осип Осипович, Франц-Альберт. Санкт-Петербург, 1865 г.

Для провинциального театра он был весьма неплох – наряду с выступлениями фокусников и танцовщиц, демонстрациями различных опытов или механических картин (прообраз синематографа), на этой сцене проходили и настоящие театральные представления с участием Полины Стрепетовой, Марии Савиной, Владимира Давыдова. Здесь Михаил Лен-

товский делал свои первые шаги в качестве постановщика, здесь состоялся дебют братьев Никитиных, будущих основателей русского национального цирка.

Саратов. Театр «Ренессанс» и сад Липки. Открытка из коллекции Станислава Гридасова, конец XIX в.

Семейство Шехтель владело ткацкой фабрикой, а также вело разнообразный торговый бизнес: ювелирные изделия и мануфактура, вина и гипсовые копии произведений искусства. Правда, один из пяти братьев от коммерции отошёл. Осип Осипович уехал в Петербург, стал инженером и совсем было обосновался на берегах Невы, женившись на дочери столичного коммерсанта. Супруга, Дарья Карловна (в девичестве Розалия Доротея Гетлих), исправно рожала каждый год по ребёнку, которым давали традиционные для семьи имена: Осип, Франц, Александра, Юлия, Мария. Но обстоятельства сложились так, что через несколько лет Осипу Осиповичу вместе с домочадцами пришлось переехать обратно в Саратов. Старший брат сообщил, что серьёзно болен и не в состоянии вести семейный бизнес, а поддержать его некому, кроме Осипа, поскольку остальных братьев уже нет в живых.

Саратов. Вид с колокольни на центральную часть города. Открытка из коллекции Станислава Гридасова, конец XIX в.

Вернувшись, Осип с головой окунулся в дела, в том числе и те, которые не очень-то его интересовали, да к тому же убытков приносили больше, чем дохода, как тот же театр,

например. Но деваться было некуда: братья состояли в нераздельном капитале, да мог ли Осип настаивать на закрытии театра, в который Франц вложил столько сил и стараний. Дарье Карловне всё это невольное меценатство очень не нравилось, что и неудивительно: она снова ждала ребёнка, а муж надрывался на работе, хотя денег от этого ничуть не прибавлялось. Да и вообще переезд из столицы в Саратов её не радовал, потому и не складывались отношения с провинциальными родственниками. Знал бы кто, как ей пригодится их помощь уже очень скоро...

Множество болезней, сейчас представляющихся нам не более чем лёгкой неприятностью, до появления антибиотиков вполне могли свести человека в могилу. Одним из таких заболеваний была пневмония, банальное воспаление лёгких. Осип Осипович умер в самом конце февраля 1867 года, даже на два месяца раньше, чем та же пневмония разделалась с его старшим братом. Дарья Карловна родила шестого ребёнка и приняла наследство, представлявшее собой некоторое количество активов, сильно отягощённых долговыми обязательствами. Семейство Шехтель состояло теперь из вдовы, дочерей-бесприданниц и малолетних мальчишек.

Старшего из сыновей, Осипа, мать пристроила «на казённый кошт» в земледельческую школу. Младшего, Виктора-Иоганна, пожелали взять к себе дальние родственники из Петербурга, статский советник Дейч с супругой, – и Дарье Карловне пришлось согласиться на это с благодарностью, ибо чем меньше детей остаётся на руках, тем проще выкручиваться, а оставалось ещё пятеро. Дочерям она решила дать домашнее образование, а Франц-Альберт был отдан в семинарию, где проучился четыре года, после чего перешёл в саратовскую гимназию. Ни там, ни там особыми успехами Адя не блистал и даже на второй год оставался, однако у него всегда было хорошо с чистописанием и рисованием.

Покойный Франц Осипович одну из дочерей своих выдал за купца Тимофея Жегина. Вот он-то и стал тем человеком, кто не позволил семейству тестя пойти по миру: выдал замуж дочерей Алоиза Осиповича, помог Дарье Карловне перепродать права на антрепризу и избавиться от всего, что осталось от театра, а самое главное – сумел найти для неё возможность жить самостоятельно. Суровую немку по протекции Тимофея Ефимовича взяли экономкой в дом Павла Третьякова, с которым Жегин после случайного знакомства в Париже очень сдружился, – оба любили искусство. И вот Дарья Карловна уехала в Москву, а Франц до окончания гимназического курса остался в Саратове – в семье Жегиных мальчика очень любили, он ведь был одноклассником их умершего сына и, наверное, чем-то напоминал его.

Шестнадцатилетним юношей приехав в Москву, Франц поступил на архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества – выбор совершенно естественный для человека с ярко выраженным графическим талантом. Его учителем стал Александр Каминский, и не случайно: будучи мужем Софьи Третьяковой, он имел прекрасные отношения с её братьями, много для них строил и часто бывал в доме, и, надо полагать, Дарья Карловна показала ему работы сына, после чего Александр Степанович взял под крыло юное дарование. Каминский с Шехтелем вообще были чем-то похожи: помимо таланта, каждого из них Судьба одарила хорошим, лёгким характером и огромным запасом трудолюбия.

Жажда деятельности вкупе с нежеланием сидеть у матушки на шее не позволяли Францу сосредоточиться на учёбе, и он понемногу подрабатывал, рисуя журнальные виньетки и эскизы декораций, театральные костюмы и ресторанные меню... Поиск заказов – составная часть профессии, и практически все студенты этим занимались, обмениваясь информацией, обрастая знакомствами. Иногда и старые связи давали возможность подрабатывать: Михаил Лентовский, давнишний знакомый саратовского дяди Франца Осиповича, нередко приглашал Франца-младшего принять участие в своих театральных проектах. У юноши театральность была в крови: даже в архитектурных работах Шехтеля переход в каждое новое помещение – словно смена сценических декораций.

Семейство Шехтель: Мария, Франц-Альберт, Дарья Карловна, Осип. Москва, 1889 г.
Фото из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой

В журналах того времени ещё можно найти иллюстрации, подписанные инициалами «Ф. Ш...» или псевдонимом «ФиньШампань», а вот эскизы Шехтеля к театральным постановкам не сохранились, что и неудивительно. «Ф.О. очень легко относился к своим театральным работам, ни с какой стороны не ценил своих эскизов и раздавал их по мастерским, не заботился об их сохранении. И большая часть исчезла бесследно, – свидетельствует племянник Шехтеля, режиссёр Н.А. Попов. – Шехтель работал полушутя между чертёжным столом и бутылкой шампанского, работал как добродушный гуляка, разбрасывая кругом блески своей фантазии».

Лёгкость лёгкостью, но на втором году обучения пришлось вопросом заработка озаботиться всерьёз – Дарье Карло вне здоровья уже не позволяло продолжать службу у Третьяковых, нужно было снять ей квартиру и вообще принять на себя все заботы... Кончилось дело тем, что за систематическую неявку на занятия Франца Шехтеля из училища отчислили.

Наверное, он мог бы оставаться художником-декоратором или быстрыми росчерками своего карандаша зарабатывать легкие деньги на журнальных иллюстрациях и виньетках, но Шехтель уже не сомневался в том, что способен на большее. Кроме того, профессия архитектора – это надёжный путь к стабильной жизни и солидным доходам, а пережитая в детские годы нужда заставляла стремиться к тому, чтобы никогда впредь не оказаться в столь же унижительном положении.

Поэтому Франц с радостью принял приглашение Александра Каминского стать его помощником и вскоре получил первое серьёзное задание – разработать вид фасада и кровли для особняка фабриканта Щапова на Немецкой улице. Хот я авторство Шехтеля документами не зафиксировано (права на производство строительных работ девятнадцатилетний прогулыш тогда ещё не имел), но почерк будущего великого зодчего уже проступает в контуре крыши. Это здание, построенное в 1878 году, дожило до наших дней или, скажем так, почти дожило. В конце 1990-х дом разобрали и возвели заново, сохранив внешний облик.

Когда Александр Каминский и Константин Терской вместе перестраивали имение Глебовых – Стрешневых – Шаховских на Большой Никитской и его часть – театр «Парадиз», Шехтель работал под руководством своих бывших преподавателей, по ходу дела постигая

тонкости расчётов акустики зала и премудростей устройства сценических механизмов. Хотя авторство принадлежит Терскому, нечто шехтелевское в этом фасаде чувствуется, и теперь уже не понять: то ли, взяв за основу его идеи, проект завершал Терской, поскольку подписывать чертежи Шехтелю не полагалось, то ли Франц Осипович действительно многое перенял у старшего коллеги, вплоть до манеры графического оформления чертежей – цветной картон с использованием акварели.

Фасад театра «Парадиз» на Большой Никитской (ныне – Театр имени Маяковского). Фото из «Художественного сборника работ русских архитекторов». М., 1891

Так или иначе, опыт нарабатывался, круг клиентов постоянно расширялся, и это радовало, потому что молодой архитектор уже стал главой семьи и отцом двух малышей – Кати и Бори, а работал, что называется, на птичьих правах: он даже собственный дом на Петербургском шоссе выстроил, по документам являясь купцом. Чертежи подписал по дружбе Василий Герасимович Залесский, архитектор, с которым вместе работали на одном из проектов.

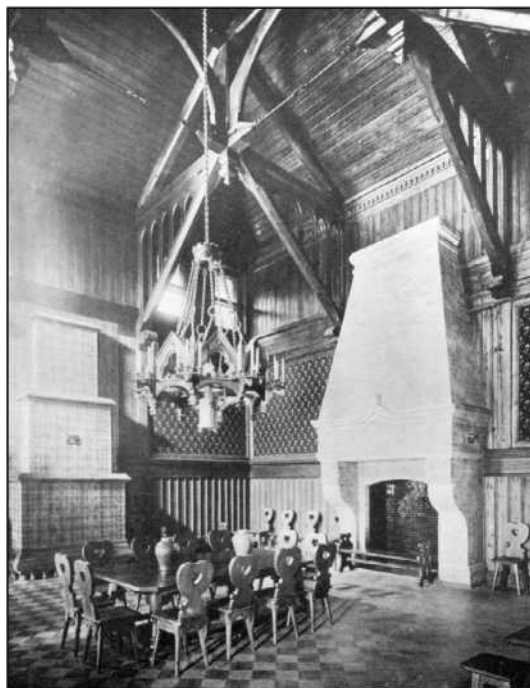

Дом в имении В.Е. Морозова Одинцово-Архангельское, под Москвой. Архитектор Ф.О. Шехтель, 1893 г.

По счастью, бумажные формальности строго соблюдались только в городах – владельцы загородных имений и дач могли строить на свой страх и риск всё что угодно, и несколько таких заказов Шехтель успешно выполнил, получив их, несомненно, через Каминского. Зять Третьяковых и архитектор Московского купеческого общества был знаком буквально с каждым крупным представителем московских деловых кругов и заказов имел больше, чем времени на их выполнение, – поэтому периодически кого-нибудь переадресовывал к своему помощнику, давая тому самые лестные рекомендации.

Но ценнее любых рекомендаций хорошо выполненная работа, и вскоре о молодом архитекторе в Москве заговорили. Выполненные по эскизам Шехтеля готические интерьеры особняка сахарозаводчика Павла Харитоненко на Софийской набережной привели в восхищение не только заказчика, но и его гостей, а посещали этот дом люди не менее искушённые, чем его владелец.

Текстильный король и владелец богатейшей коллекции русских портретов Алексей Викулович Морозов, перестраивая доставшийся от отца дом в Подсосенском переулке, пожелал заказать нечто подобное – и получил, наверное, лучший из шехтелевских интерьеров его готической серии 1890-х годов. Следом потянулись со своими заказами и другие представители клана Морозовых – Сергей Викулович, Иван Викулович, Савва Тимофеевич...

Дача И.В. Морозова в Петровском парке (не сохранилась). Столовая. Фотографии из журнала «Зодчий», 1901 г.

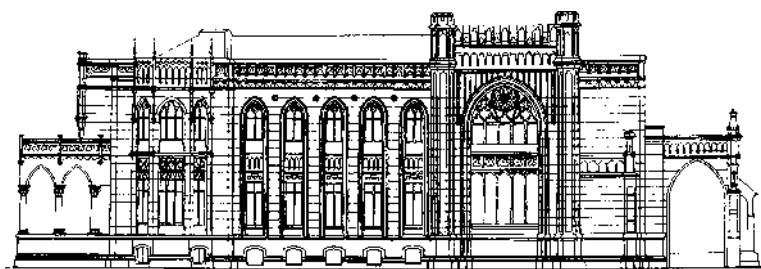
Савва Морозов два года учился в Кембридже, проникся любовью к западной культуре и захотел подарить жене настоящий готический дворец. Более подробно я эту историю расскажу немного позже, а пока представьте себе, как увлекла Шехтеля возможность придумать и создать такой дом, где всё, вплоть до вешалок и каминных щипцов, может быть сделано по его эскизам!

Зодчему выпал уникальный шанс реализовать все свои творческие амбиции – Савва Тимофеевич доверился вкусу архитектора и счета оплачивал не торгуясь, но это и труд был титанический. Работая над проектом, Шехтель выполнил около 600 чертежей и эскизов: лепнина и оконные переплёты, люстры и мебель, кованые решётки и фонари на ограде, цинковые химеры и так далее.

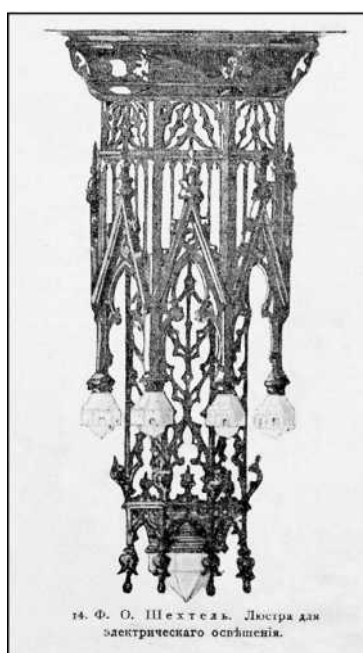

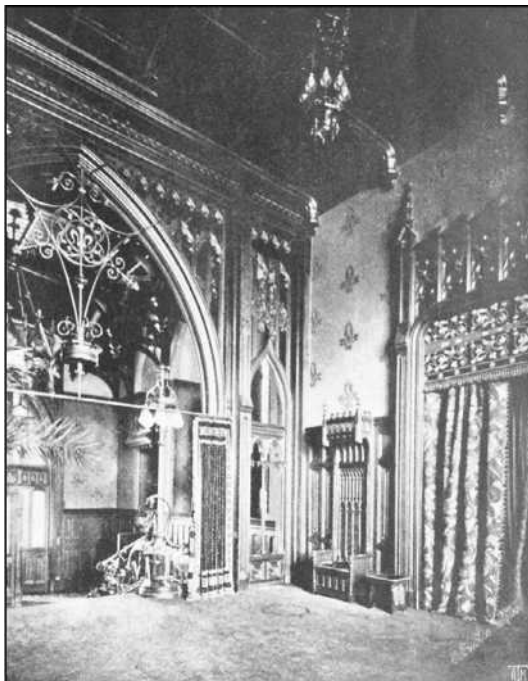
Дом А.В. и И.С. Морозовых в Подсосенском переулке, Готический кабинет. Камин (фрагмент). Архитектор Ф.О. Шехтель, 1893 г. Фотографии из архивных фондов Департамента культурного наследия города Москвы

Дом З.Г. Морозовой на Спиридоновке. Эскиз северного фасада. Архитектор Ф.О. Шехтель

Эскизы светильников. Фото из сборника «Архитектурные мотивы», 1899 г.

Ф.О. Шехтель. Дом З.Г. Морозовой. Вестибюль и лестница. Фото из сборника «Архитектурные мотивы», 1899 г.

Такая тщательная проработка заказа, помимо высочайшего качества проекта, дала ещё и побочный эффект, полезный для автора, – этот комплект чертежей, представленный в Технико-строительный комитет, позволил Францу Шехтелю получить в 1894 году «свидетельство на право производства работ по строительной части», что наконец-то сделало его полноправным членом профессиональной корпорации.

Но дарам своим судьба ведёт строгий учёт, и если ненароком расщедрится, то сразу находит способ всё уравновесить. Едва успел Франц Осипович почувствовать, что твёрдо встал на ноги, земля под ногами покачнулась.

Франц Осипович, Наталия Тимофеевна и Китти. 1890–1896 гг. Фото из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой

Ему уже случалось однажды испытать такое ощущение: когда началось строительство морозовского дворца и фантазии начали воплощаться в реальность, семью зодчего постигла утрата – умерла Екатерина Францевна Жегина. Она приходилась Шехтелю тещей и одновременно кузиной, а кроме того, была вдовой Тимофея Ефимовича, вырастившего Франца как приёмного сына. Делая для неё надгробие, Шехтель мучился тем, что этой работе не дано выразить даже сотой доли его благодарности по отношению к семье человека, ставшего единственной опорой для многолюдного семейства Шехтель, внезапно оказавшегося на грани нищеты. Францу было тогда всего восемь лет, но он помнил тот ни в чём не повинный, но злосчастный театр, сгоревший как раз накануне Рождества, и как к ароматам елки и мандаринов примешивался запах микстуры, которой доктора пытались поставить на ноги отца, вместе с дядей ужасно простудившегося на пожаре.

Вот и теперь, когда вся Москва была разукрашена по случаю тезоименитства и предстоящей коронации Николая II (а Шехтелю, как признанному мастеру, поручили декорировать Тверскую), в его собственном доме зеркала вновь завешены крепом: умер старший сын, семилетний Боря.

Наталия Тимофеевна снова ждала ребёнка, и её положение отвлекало от переживаний, а Францу Осиповичу справиться с горем помогала работа. Её в тот год было много: концертный зал «Олимп» на Петербургском шоссе, царские павильоны на станции Одинцово и на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, особняк Кузнецовой на 1-й Мещанской, мраморный иконостас в церкви Иоанна Предтечи под Бором, отделочные работы в особняке Морозовых...

А ещё архитектор купил участок на Ваганьковском кладбище и установил там надгробие с вписанным в круг крестом и словами под ним: «Семейство Шехтель». Теперь он знал, что хотя бы эта забота не свалится на жену, если вдруг его постигнет какая-либо превратность судьбы. Надгробие было простым и лаконичным – светлая каменная стена в форме пятиугольника, напоминающего силуэт дома с двускатной крышей.

7 февраля 1897 года Савва Тимофеевич и Зинаида Григорьевна праздновали новоселье. Особняк на Спиридоновке почтил своим присутствием весь цвет высшего общества. В центре внимания была, конечно, блиставшая драгоценностями хозяйка морозовского «палаццо», но свою долю славы получили и создатели архитектурного шедевра – Франц Шехтель и Михаил Врубель, украсивший гостиную тремя живописными панно, а холл с парадной лестницей – витражом и скульптурой.

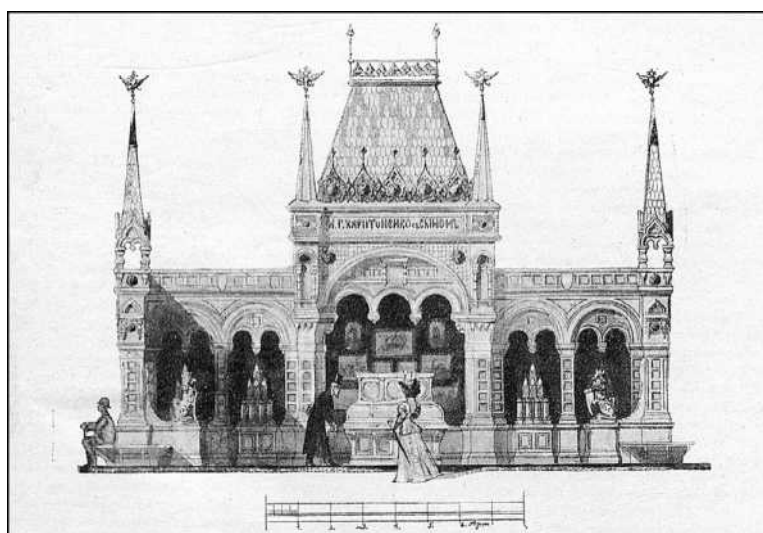
Вскоре Шехтель получил предложение преподавать композицию в Строгановском художественно-промышленном училище. Уровень студенческих работ здесь традиционно был очень высоким: учащиеся побеждали в творческих конкурсах, предприятия выпускали продукцию по их эскизам, и в 1900 году лучшие работы были отправлены в Париж на Всемирную выставку. Оформить экспозицию доверили Шехтелю. Узнав об этом, с аналогичными просьбами обратились к Францу Осиповичу его бывшие заказчики, тоже принимавшие участие в выставке. Впрочем, заказчики Шехтеля никогда не переходили в категорию бывших – сотрудничеством с ним никто не бывал разочарован, к тому же работал он быстро и потому отказывал редко.

Всемирная выставка в Париже, 1900 г. Вид с моста Александра III

«Король русского фарфора» Кузнецов, сахаропромышленник Харитоненко и текстильный фабрикант Гарелин получили от Шехтеля заказанные павильон и витрины, а сам он увёз из французской столицы увлечённость новым художественным стилем и серебряную медаль за экспозицию Строгановского училища.

Париж 1900 года, опьянённый приближением нового века, восхищался достижениями технического прогресса и любовался украшениями, изделиями и постройками в стиле ар-нуво. Не только выставка, но и вся французская столица покорила этой моде: от вывесок и афиш до таких сооружений, как вокзал Орсе и магазин «Самаритен», – во всём находил выражение стиль модерн.

Павильон П.И. Харитоненко для Парижской выставки, 1900 г. Исполнен П.А. Шмитом по проекту Ф.О. Шехтеля из карельской берёзы с бронзой. Рисунок из журнала «Зодчий», 1901 г.

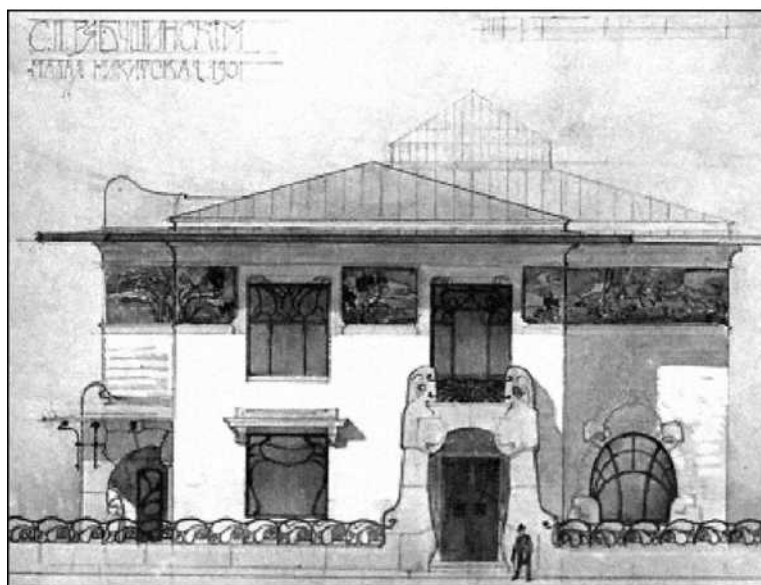
Непринуждённая причудливость линий, которыми играли европейские архитекторы, пленяла воображение – например, тем, как предметы из материалов заведомо твёрдых могли

вдруг принять формы такие, словно их вылепили из воска. Шехтель горел желанием создать что-то в новой манере – например, лестницу, похожую на застывшую каменную волну. Ради такого эксперимента он даже внёс изменения в проект интерьера скоропечатни Левенсона, но удовлетворения не получил: сделать интересный вестибюль на основе идеи лестницы-волны – это было слишком мелко, ведь образ настолько прекрасен, что на его основе можно построить целый дом!..

Возможность вскоре представилась. Миллионер Степан Рябушинский, купивший на углу Спиридоньевки и Малой Никитской участок для своего нового жилища, хотел поручить постройку именно Шехтелю – тот, кто для Морозовых создал великолепный дворец, сумеет и для Рябушинских построить дом всей Москве на зависть!

Франц Осипович не обманул ожиданий заказчика. Во всех без исключения общих работах по истории искусства и архитектуры рубежа XIX–XX столетий это творение Шехтеля упоминается непременно.

Из удачных решений, найденных при постройке особняка З.Г. Морозовой, здесь Шехтель использовал очень немногое.

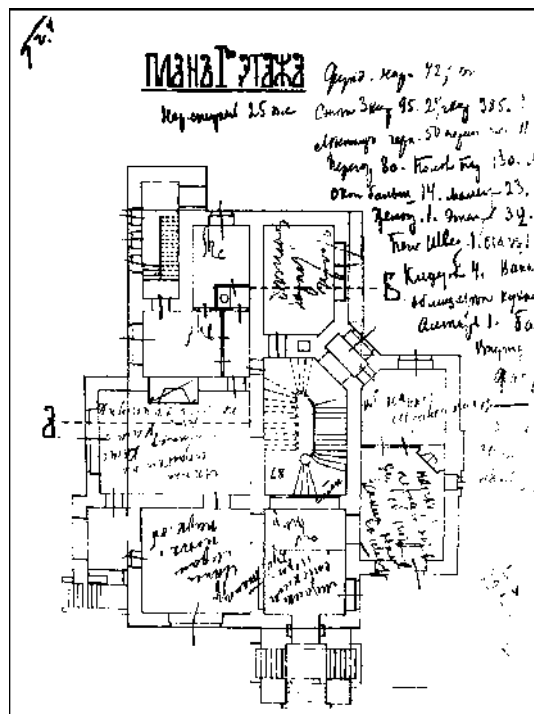

Ф.О. Шехтель. Дом С.П. Рябушинского. Эскиз фасада, 1901 г.

Как и там, он поставил дом не на красной линии, а в глубине участка (только парадное крыльцо было вынесено к тротуару). Как и там, здание не имеет тыльной стороны и рассчитано на круговое восприятие.

Этим сходство исчерпывается. Уже не исторические фантазии, а природные мотивы вдохновляют архитектора. Лестница-волна, пленившая его воображение, превратилась в главный элемент здания. Она стала центральной осью композиции, соединив собой все прилегающие к ней комнаты, – намотала их на себя, как веретено накручивает нить.

Образ волны сыграл роль камертона, по которому настроилась вся образная система придуманного Шехтелем дома: светильник застыл стеклянной медузой, морскими коньками изогнулись латунные ручки дверей, рисунок паркета вдруг прервал свою чёткую геометрию и сменился изящной дугой, словно прибой выкатил под ноги полоску пены...

Ф.О. Шехтель. Дом С.П. Рябушинского. План первого этажа. Эскиз, 1900 г.

Мир надводный подарил пейзажные темы для витражей, проступил в извилистых, как лоза, оконных переплётках, в розах и лаврах на резных дубовых дверях, в кованных решётках, напоминающих усики вьющихся растений, в опоясывающем дом мозаичном фризе с изображением ирисов.

Степану Павловичу особняк очень понравился, и от клана Рябушинских вслед за этим заказом последовали другие. Но из современников далеко не все сумели оценить новизну замысла и тонкость исполнения – например, Корней Чуковский написал: «Особняк так безобразен и нелеп, что даже огромные сугробы, которыми он засыпан, не смягчают его отвратительности».

Лестничный холл в доме С.П. Рябушинского. Фото из фондов Музея М. Горького, 1902 г.

Однако же целых три фирмы, выпускавшие открытки с видами Москвы, включили в свои серии новую достопримечательность, а профессиональная репутация Шехтеля достигла таких высот, что именно Францу Осиповичу было предложено проектировать русские павильоны для предстоявшей международной выставки в Глазго.

Правительственные и деловые круги жаждали повторения успеха, выпавшего на долю российских участников выставки в столице Франции, откуда они привезли в общей сложности более 1500 наград. Глазго хотя и не Париж, но в начале XX века считался одним из богатейших городов мира – с метрополитеном, телефонной сетью и электрическим освещением улиц.

Британцы тоже пребывали под впечатлением парижской выставки и постарались не ударить в грязь лицом: колонии удивляли, например, фонтаном из австралийской ртути, на поверхности которой плавали камни, бронзовые подсвечники и чугунные статуэтки, а метрополия блеснула макетом железной дороги с поездом, двигавшимся под воздействием силы тяжести. Рельсовые фермы покоились на гидравлических подъёмниках, создававших уклон на участке, по которому в тот момент проходил поезд, так что вагоны скатывались с бесконечной горки, к полному восторгу публики, поражённой этим железнодорожным серфингом. Идея у англичан, видимо, возникла неспроста – за год до того в Париже русские при входе на свою экспозицию поставили настоящий поезд. Посетители входили в вагон, за окнами которого под патефонный стук колёс скользили по экранам сибирские пейзажи, и, выйдя из другого тамбура, попадали в необозримую и непостижимую Россию.

Стремительное развитие российской экономики в конце XIX века подогревало интерес Англии к столь перспективному рынку, и устроители выставки постарались оказать всяческое уважение своему восточному соседу. Российской империи на территории выставки было предоставлено площадей больше, чем всем прочим странам, вместе взятым, – почти столько же, сколько и колониям британской короны, так что Шехтелю было где развернуться. Четыре заказанных ему павильона (горное дело, лесное дело, земледелие и обрабатываю-

щая промышленность) Франц Осипович спроектировал, отталкиваясь от старинных мотивов русского деревянного зодчества.

Никто и представить себе не мог, какое влияние окажет этот былинный образ деревянного городка на развитие национально-романтической ветви модерна в России. Впрочем, всплеску интереса к русской старине, который возникнет на родине, предшествовал огромный успех Russian street на выставке в Шотландии.

Постройки русского отдела на международной выставке в Глазго в 1901 г.

Павильон горного дела. — Pavillon des mines.

BÂTIMENTS DE LA SECTION RUSSE
À L'EXPOSITION UNIVERSELLE
DE GLASGOW.

Центральный павильон. — Pavillon central.

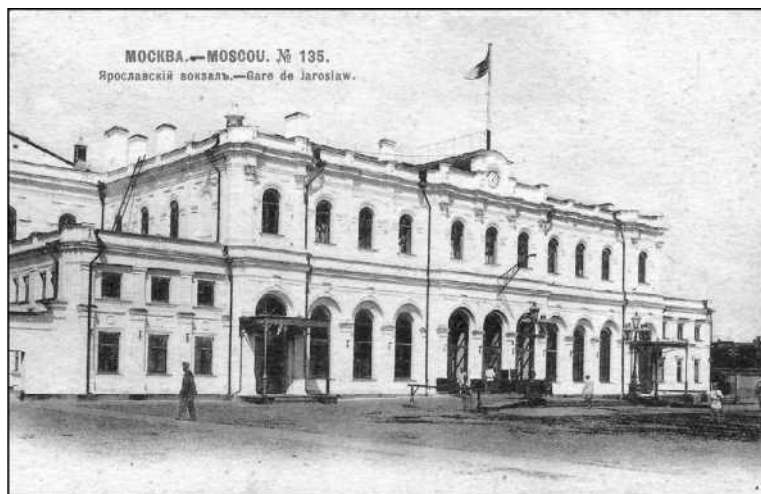
Павильон лесного отдела с восточной стороны. — Pavillon de la section forestière.

Проектировал и построил Ф. Шехтель.

Projeté et bâti par Th. Schechtel.

Выставка в Глазго. Русские павильоны. Фото из журнала «Зодчий», 1901 г.

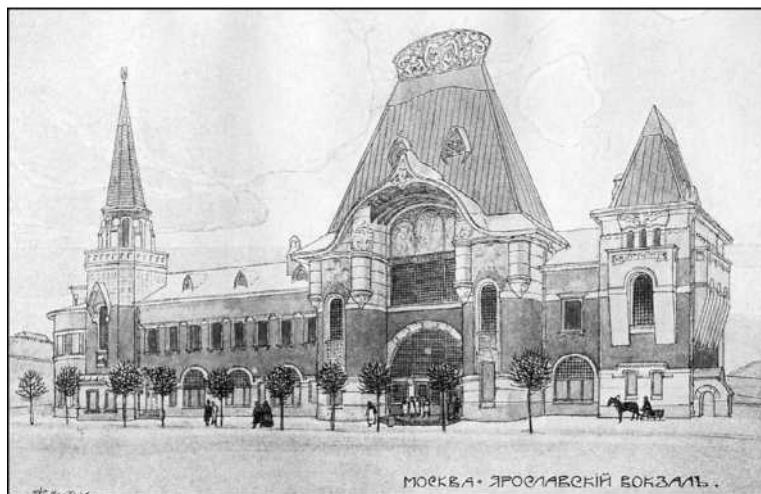
Содержание российской экспозиции, а также невиданные на Западе архитектурные формы поразили публику и прессу. Корреспондент французской *La Liberte* своё описание русского отдела закончил восторженными словами «о новой промышленной державе, об империи, которая еще несколько лет назад ничего другого не могла выставить, кроме сырых продуктов; теперь же она стоит на одном уровне с самыми цивилизованными народами». Британцы остались более сдержанными, но и они выразили своё уважение – Шехтель после выставки стал почётным членом Британского королевского института архитектуры и Общества архитекторов Глазго.

Ярославский вокзал в 1880-х гг. Открытка из коллекции Александра Романова

Признание заслуг не заставило себя ждать и в России, где Франц Осипович получил звание академика архитектуры, а также очень интересный заказ. Ярославская железная дорога, стараниями Саввы Ивановича Мамонтова достроенная до Архангельска, в связи с увеличением пассажиропотока нуждалась в реконструкции вокзала, построенного архитектором Романом Кузьминым в 1862 году.

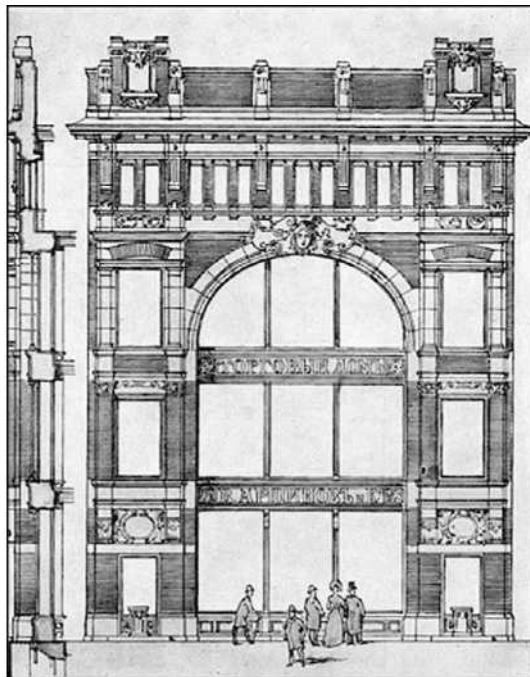
Реконструкция уже началась. Выполнял работы Лев Кекушев, главный архитектор созданного Мамонтовым Северного домостроительного общества. Но Кекушеву не повезло: заказчик попал под следствие по обвинению в растрате и был отстранён от дел, а новое руководство железной дороги затеяло корректировку проекта в национальном духе, для чего и был приглашён Шехтель. Формулируя для него задание, начальник Московского отделения Ярославской железной дороги Н. Казаков написал так: «Стиль [вокзала]... должен быть северорусским, с некоторым монастырским оттенком».

Ф.О. Шехтель. Ярославский вокзал. Общий вид. Фото из Ежегодника Общества архитекторов-художников, 1906 г.

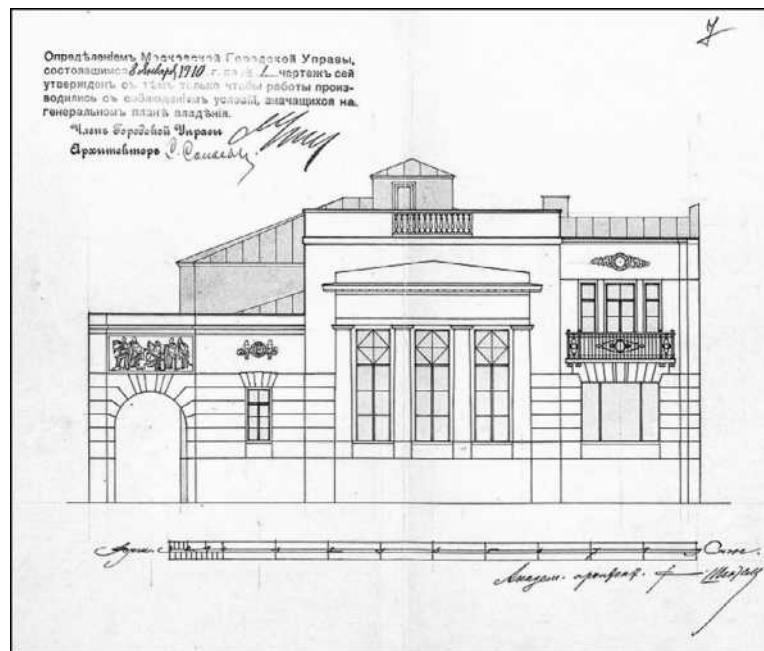
Собственно, полной переделки здания не требовалось: крытый перрон Кекушев уже успел построить, служебные помещения в реконструкции не нуждались, и только отведённую для пассажиров зону вокзала предстояло «переодеть». Но поскольку традиционная архитектура Русского Севера – преимущественно деревянная, а здесь надо было работать в камне, задача была непростой. Шехтель её решил, элегантно соединив формы древнерусского зодчества и декоративные приёмы, характерные для модерна.

Первые годы наступившего XX века безостановочно приносили Францу Осиповичу всё новые и новые удачи. Вслед за Обществом британских архитекторов Шехтеля сделали своим почётным членом архитектурные общества Рима, Вены, Мюнхена, Берлина, Парижа. Он стал академиком архитектуры и председателем Московского архитектурного общества. Его мастерская выдавала проекты очень высокого уровня буквально один за другим: торговый дом Аршинова, особняк Держинской, гостиница «Боярский двор», торговый дом Кузнецова на Мясницкой, перестройка здания в Камергерском переулке, купленного Саввой Морозовым для труппы Московского Художественного театра...

Ф.О. Шехтель. Торговый дом Аршинова. Эскиз фасада

Успешно выполненные заказы настолько укрепили финансовое положение зодчего, что мысли о деньгах беспокоить его перестали. Разумеется, Франц Осипович был не так богат, как Савва Тимофеевич, однако сделался вполне состоятельным, чтобы позволить себе отказаться от гонорара за перестройку театра (самого интересного в России на тот период времени, но при этом впервые за три года существования закончившего сезон без убытков). Теперь дом Шехтеля украшали не только картины, подаренные друзьями-художниками, но и коллекционный фарфор, авторская бронза, ценнейшие букинистические раритеты. Тем не менее с юности укоренившееся в сознании аккуратное отношение к деньгам не покидало Шехтеля никогда. Дети вспоминали, как однажды негодовал Франц Осипович, узнав, что приходивший поговорить о постройке дома купец оставил привратнику на чай не полтину и не целковый, а золотой империал!.. Бережливый немец счёл это непростительным фанфаронством и отказался от заказа – настолько неприятен был ему человек, способный сорить деньгами напоказ.

Ф.О. Шехтель. Собственный дом на Большой Садовой, № 4. Чертёж фасада

Дети, кстати говоря, выросли и унаследовали отцовскую тягу к творчеству. У Льва и Веры энергия и амбиции были через край. Оба поступили в Училище живописи, ваяния и зодчества (то самое, которое не довелось закончить их отцу). Чтобы заниматься рисованием, им требовались помещения, да и сам Франц Осипович привык к тому, что его мастерская расположена дома, тем более что зачастую работал он там по двадцать часов в сутки. К тому же, восполняя недостаток академического образования, Шехтель выписывал много специальной литературы, и его библиотека постепенно разрослась. Пришло время обзаводиться новым жилищем.

Ф.О. Шехтель. Фото конца 1900-х гг. из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой

Построенный в 1909 году, дом Шехтеля на Большой Садовой очень оригинален во многих отношениях. Проектируя особняк в своей излюбленной манере «изнутри наружу», зодчий так мастерски обыграл нюансы планировки, что они с гармоничной естественностью нашли отражение в композиции фасада. Портик с четырьмя колоннами напоминает ампирные московские особняки начала XIX века, но характерная для модерна асимметрия отчётливо говорит о том, что здание построено на сотню лет позже.

Как и «замок» в Ермолаевском переулке, дом на Большой Садовой в биографии мастера явился неким рубежом: в первом случае Шехтель открывал для себя модерн, нащупывал первые подступы к новому стилю, во втором – как бы прощался с ним. Он не мог не чувствовать, что в обществе угасает интерес к лёгкой и прихотливой стилистике ар-нуво, что возникающие запросы частично удовлетворяет зарождающийся конструктивизм, но художественные поиски наступившего века ещё только начинаются.

Общаясь с заказчиками и слушателями старших классов Строгановки, где Франц Осипович продолжал преподавать, невозможно было не осознать неизбежность грядущих перемен, но перемены эти Шехтеля не тревожили. В своей способности идти в ногу со временем и точно угадывать вектор развития искусства он не сомневался – и напрасно...

Первый звоночек прозвучал, когда обнаружилось, что Вера и Лев увлечены футуризмом и совершенно искренне отрицают традиционную систему художественных ценностей, а он, их отец, столь же искренне не понимает, как можно создавать новое, не опираясь на опыт предшественников. Второй сигнал был не таким простым, зато более мучительным. Появилось смутное ощущение утраты. Как будто некое шестое чувство, всегда служившее ему, перестало работать. То, что прежде приходило к нему легко, словно бы само собою, теперь приходилось искать – мучительно и зачастую безуспешно.

Участвуя в конкурсах, всё чаще приходится не поздравления принимать, а самому поздравлять молодых коллег, предложивших варианты более яркие, чем у него, – как полу-

чилось это у Алексея Щусева, покоровшего жюри тем, что он украсил свой проект вокзала башней, похожей на казанскую башню Сююмбике.

Ещё поступают предложения от старых клиентов, и никуда не исчезло уважение коллег, но уже понятно, что всё это – не более чем инерция, остатки вчерашней скорости, а сегодняшний мир движется уже в ином направлении, и непонятно, от чего нужно оттолкнуться, чтобы его догнать.

Ф.О. Шехтель. Проект Казанского вокзала. Из Ежегодника Московского архитектурного общества, 1910–1911 гг.

Ни преподавание в Строгановке, ни председательство в Московском архитектурном обществе не могли отвлечь от этих мучительных раздумий, но внезапно Францу Осиповичу стало не до них, потому что началась война. Полтора миллиона проживавших в России немцев обнаружили вдруг, что быть просто приличным человеком или даже признанным мастером своего дела уже недостаточно, когда ребром встал вопрос: кто ты – русский или немец?..

Шехтелю не нужно было искать ответ. Себя он ощущал русским и не собирался покидать страну, ставшую родиной для нескольких поколений его предков. Перейдя в православие, Франц Осипович принял имя Фёдор и носил его до конца жизни.

Фёдор Осипович руководил работами по приспособлению помещений под лазареты и в некоторых случаях расходы брал на себя, проектировал санатории для выздоравливающих воинов, а для 675-й Тульской пешей дружины, расквартированной в селе Петровско-Разумовское, построил деревянный храм.

Но в целом дела шли всё хуже: спроектированные Шехтелем Дом инвалидов на Донской улице и доходный дом в Большом Козихинском переулке так и не были построены, да оно и понятно: война – не время для созидания. Фёдор Осипович не сдавался – к завтраку выходил во фраке, хотя вместо привычных сигар курил уже махорку. Чтобы не томиться от безделья, он занялся проектом собственной дачи в Крыму, борясь с соблазном бросить всё и уехать на юг. Но не уходить же на покой в пятьдесят семь лет – должна ведь эта война когда-то кончиться, надо только перетерпеть, продержаться...

Церковь 675 пѣш. Тульской дружины въ Москвѣ
въ Петровско-Разумовскомъ у Соломенной сторожки.
Постр. по проекту Академика Ф. О. Шехтеля.

Покровская церковь в «Соломенной сторожке».
Архитектор Ф.О. Шехтель, 1914–1916 гг.
Фото А. Горожанкина, 1916 г.

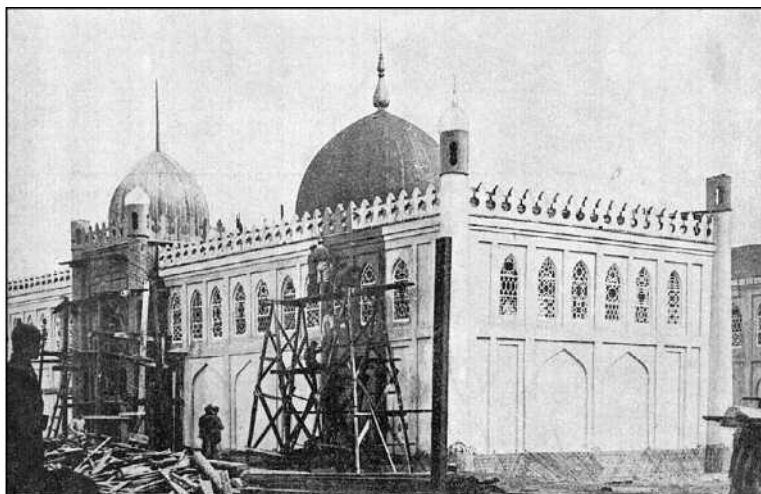
Жизнь человеческая похожа на путь по айсбергу: когда ты думаешь, что добрался до вершины, у этой ледяной горы, подтаявшей где-то далеко внизу, смещается центр тяжести, глыба под тобой поворачивается, и миг всё меняется: ты оказываешься в лучшем случае далеко от нового пика, а в худшем – вообще под водой.

Собственный дом на Большой Садовой, в котором хорошо жилось в мирные дни, теперь содержать стало не на что, и летом 1917 года Фёдор Осипович дал объявление о продаже. Как ни странно, покупатель нашёлся быстро – оказывается, жизнь в переломную эпоху далеко не всех ставит на грань нищеты, некоторые весьма успешно обогащаются, и во что же ещё им вложить деньги, как не в московскую недвижимость?

Казалось, проблема решена. Семья переехала в маленький дом, арендованный на 1-й Брестской, как раз в тех местах, где Шехтель снимал жильё в годы студенческой юности, и в минуты хорошего настроения можно было представлять себе, что жизнь даёт некий новый шанс... но тут айсберг перевернулся вновь.

Вскоре после Октябрьской революции новая власть национализировала и землю, и объекты недвижимости. Дом, арендованный семейством Шехтель, приказано было освободить в трёхдневный срок. Фёдор Осипович свою библиотеку и часть коллекции перевёз в помещения Московского архитектурного общества, мебель распродал за полцены и вместе с женой и старшей дочерью Китти перебрался к младшей. Квартиру, где жила Вера с мужем, ещё не успели «уплотнить».

На обратной стороне перевернувшегося айсберга тоже была жизнь – странная, но была. Строгановское училище стало называться Вхутемас, и товарищ Шехтель преподавал там композицию, получая вместо жалованья профессорский паёк: крупа, селёдка, иногда сахар. В Московском архитектурном обществе Фёдор Осипович читал лекции – «Сказка о трёх сёстрах: Архитектуре, Скульптуре, Живописи и их взаимоотношении в эволюции искусства», «Микеланджело и Рафаэль», изумляясь тому, как его слушают эти люди в студенческих и солдатских шинелях.

Строительство павильона Туркестана, Хорезма и Бухары. Фото из журнала «Прожектор», 1923 г.

Более того, в условиях разрухи и Гражданской войны новая власть даже пыталась что-то строить и за неимением новых специалистов привлекала к работам старых. Шехтель участвовал в проекте «Иртур» («Ирригация Туркестана»), включавшем в себя не только расширение сети оросительных каналов, но и строительство общественных и жилых зданий; по заказу Главстекла проектировал Болшевский оптический завод, – правда, оба проекта вскоре были свёрнуты. Единственная работа зодчего, не оставшаяся на бумаге, – павильон Туркестана на Первой сельскохозяйственной и кустарной выставке.

Приходилось признать: мир изменился так сильно, что своего места в нём найти уже не удастся. Теперь в конкурсах побеждали другие, чьи представления о прекрасном точнее совпадали со вкусами новой власти. Правда, руководство МХТ не забыло человека,

который когда-то отказался от гонорара, перестраивая здание для труппы Станиславского и Немировича-Данченко. Теперь, когда Камергерский переулок стал называться проездом Художественного театра, а сам театр пользовался поддержкой правительства, жизнь там была ключом: постоянно требовались перестройки то касс, то оркестровой ямы, то магазина при театре, и эти пустяковые, но оплачиваемые заказы перепадали Шехтелю. Но в целом – работы не было.

Пришлось понемногу распродавать вещи, но они, к несчастью, прежней ценности в новой жизни уже не имели. Редкие книги, гобелены, персидские миниатюры – кому нужны они в эпоху будёновок и красных косынок?

Фёдор Осипович Шехтель с женой Наталией Тимофеевной, дочерью Верой и внучкой Мариной. Фото из семейного архива К.С. Лазаревой-Станицевой, 1926 г.

Сбывать на барахолке картины Врубеля, Маковского, Коровина, Левитана – преступно, не говоря уж о том, что глупо. Эту часть своей коллекции Фёдор Осипович передал в музей безвозмездно; всё, чем смогла ответить ему советская власть, – назначить пенсию в размере 75 рублей.

Недаром говорилось на Руси: пришла беда – отворяй ворота. Фёдора Осиповича начали беспокоить боли в желудке. Сначала думали, что вследствие плохого питания, оказалось – рак. Болезнь прогрессировала, вскоре потребовался морфий. Быть может, больной предпочёл бы цианистый калий, но это не имело значения, денег всё равно не было ни на что.

Он умер 26 июня 1926 года.

Вот одно из предсмертных писем, оно адресовано Ивану Сытину.

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Дмитриевич!

С октября месяца по настоящее время я не покидаю постели... я молю Бога прикончить эту каторгу, – но доктора хлопочут зачем-то продлить это мучение.

Я ничего не могу есть, ослаб до того, что не могу сидеть – лежать еще хуже, у меня остались одни кости и пролежни, очевидно, я должен умереть голодной смертью...

У меня нет средств даже на лекарство, я состою на социальном обеспечении и получаю по ходатайству Наркома А.В. Луначарского высшую персональную пенсию – 75 рублей в месяц, мне 67 лет, жене столько же, дочь Екатерина Фёдоровна инвалид труда. на последние крохи я ей купил „Ундервуд“, но, как Вы, кажется, знаете, работы нигде нельзя достать. Жена не отходит от меня, и вот на эти 75 рублей я должен кормить четверых, платить за квартиру 2 червонца (газ, электричество и т. д.). Вы знаете, как я люблю работать, но нигде не могу заполучить таковую, и никто ничего не покупает; между тем я окружён несметными, по-

моему, богатствами: моя коллекция картин, персидских миниатюр, библиотека – бесценны; около десяти инкунабул начала XV столетия, которые оценивают в сотни тысяч, никто не покупает. Все мои картины должны быть в музеях, офорты. оригинальная бронза, удивительная скульптура Конёнкова, Сомова, Полайоло, бюст Льва Толстого Н.А. Андреева, фарфор саксонский, Попова, вазы этрусские, Танагары Помпеи, керченских раскопок, венецианское зеркало (которое с пошლიной обошлось 1000 рублей, дают 15 руб.). Гобелен фламандский XVI столетия 5x4 ар., цена ему 3–4 тысячи – дают 200 рублей».

Покончив с перечислением произведений, умирающий пишет:

«Моя жена стара и немощна, дочь больна. и чем они будут существовать – я не знаю, нищенствовать при таких ценностях – это более чем недопустимо. Передайте все это в музеи, в рассрочку даже, но только чтобы они кормили жену, дочь и сына Льва Федоровича. <...>

Я строил всем: Морозовым, Рябушинским, фон Дервизам – и остался нищим. – Глупо, но я чист».

Эпилог

Семейный участок на Ваганькове приютил почти всех: и самого Шехтеля, и пережившую мужа на двенадцать лет Наталию Тимофеевну, обеих дочерей, сына и внучку, и даже зятя. Вот только младший сын не пожелал быть частью семейства Шехтель. Лев отказался от фамилии отца, потому что невозможно быть футуристом по фамилии Шехтель, ведь Шехтель – это модерн, и никак иначе.

Модерн как направление в художественных вузах Советской страны проходил и вскользь, как нечто буржуазное по духу и малоценное по сути; однако же построенные в этом стиле здания неплохо сохранились, занятые представительствами иностранных государств, над которыми не довлела необходимость оценивать красоту с идеологических позиций. Поэтому основная часть творений Шехтеля дошла до наших дней, и мы имеем возможность полюбоваться ими если не изнутри, то хотя бы снаружи.

Музея Шехтеля, равно как и музея модерна, пока не существует (правда, в цокольном этаже особняка Рябушинского несколько стендов посвящены творчеству создателя этого дома). Создать музей пыталась внучка архитектора, Марина Сергеевна Лазарева-Станицева, отдав этому много сил и времени. Её брат, популярный эстрадный артист Вадим Тонков, в амплуа комической старушки Вероники Маврикиевны известный самому Брежневу, в успех начинания не верил – и не ошибся: при их жизни музей так и не был создан, не существует его и в наши дни.

Улицы Шехтеля в Москве тоже нет, хотя имеются, допустим, Шарикоподшипниковская и Шепелюгинская.

Дань уважения и памяти замечательному архитектору смогли отдать только астрономы Крымской обсерватории, присвоившие открытой ими в 1971 году малой планете не только номер 3967, но и имя – Shekhtelia.

11. Дом Шехтеля

По нашим меркам дом может показаться большим, но не будем забывать, что архитектор с семьёй здесь не только жил, но и работал. Поэтому на первом этаже, кроме столовой и большого холла с библиотечными шкафами на антресолях, размещались кабинет Фёдора Осиповича, чертёжная с парой небольших служебных помещений, а также спальня хозяина и туалет. Такое планировочное решение позволяло Шехтелю работать хоть круглосуточно, не беспокоя своих домашних.

На втором этаже две комнаты, соединённые общей умывальной, занимали Наталия Тимофеевна и Катя с Верой. Небольшая комната предназначалась для горничной, ещё одно помещение могло использоваться как студия или как гостевая спальня, а в конце коридора, за ванной, была дверь в комнату Льва – ту самую, что смотрит на Садовую большим тройным окном над узким балконом.

В гости к Лёве часто приходили друзья из МУЖВЗ – такие же, как и он, отчаянные ниспровергатели всего и вся: шестнадцатилетний Вася Чекрыгин и девятнадцатилетний Володя Маяковский. Однажды вместе они затеяли выпуск первой книги стихов начинающего поэта. Как вспоминал потом Лев, «штаб-издательской квартирой была моя комната. Маяковский принес литографской бумаги и диктовал Чекрыгину стихи, которые тот своим чётким почерком переписывал особыми литографскими чернилами».

Когда тираж в 300 экземпляров был вручную напечатан на станке, дебютант постригся наголо – то ли на радостях, то ли ради того, чтобы не быть до смешного похожим на размещённый в книге собственный портрет.

Особняк на Большой Садовой, № 4. Фасад и интерьер холла. Архитектор Ф.О. Шехтель. Фото из Ежегодника Общества архитекторов-художников, 1910 г.

Шехтель-старший никакого футуризма не понимал и не делал вид, будто бы понимает, но к юным гениям относился уважительно, особенно к Чекрыгину, после скандала, который наделали Васины работы на юбилейной XXXV выставке МУЖВЗ. Однако Фёдор Осипович видел, что футуристам любое признание со стороны старшего поколения было глубоко безразлично, – старое искусство они уже «сбросили с корабля современности», скандалы же их не пугали, а лишь забавляли.

Вот Наталья Гончарова, дочь коллеги Шехтеля и бывшего соседа по Трёхпрудному переулку, по окончании всё того же Училища живописи, ваяния и зодчества теперь курит и ходит в мужской одежде, её картины то церковь объявляет порнографией, то полиция требует снять с выставки, а ей хоть бы что – открыто живёт с художником Ларионовым и снимается с ним в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13».

Не обошлось без скандала и в доме Шехтеля, когда архитектор узнал, что у семнадцатилетней Веры с Володиёвым начался роман. Опасаясь, что дочь пойдёт по стопам Гончаровой, отец посадил Веру под домашний арест, а Маяковскому запретил появляться в доме. Эти меры сильно испортили отношения отца с детьми (особенно с Лёвой, принявшим сторону сестры).

Любимый многими из нас Серебряный век, при всей его одухотворённости, был временем очень бурным, полным борьбы между представителями различных художественных направлений. Представители традиционного искусства считали своим долгом воевать с авангардистами, видя в них разрушителей культуры, таких «новых гуннов». А те, провозгласив себя людьми будущего, громко и откровенно отправляли на свалку истории всех отвергавших новую эстетику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.